

Ирина Градова

Врачебные СВЯЗИ

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Врачебные секреты

Ирина Градова

Врачебные связи

«ЭКСМО»

2013

Градова И.

Врачебные связи / И. Градова — «Эксмо», 2013 — (Врачебные секреты)

Анна Саянова, хирург с многолетним стажем, мать троих взрослых детей, готовится к празднованию своего юбилея. Но неожиданно выясняется: ее бывший студент Анатолий Кречет попал в отделение травматологии. Кто-то избил парня до полусмерти. Разбираясь с обстоятельствами дела, Анна узнает, что Анатолий входит в группу людей, чьи родственники пострадали от нового лекарства против острого лейкоза под названием «Голудрол», выпускаемого фирмой, генеральным директором которой является некий Илья Митрохин. Через некоторое время Митрохина убивают в его собственном кабинете, и Анатолий становится главным подозреваемым...

Ирина Градова

Врачебные связи

Пролог

Он никогда бы не подумал, что все ТАК закончится. Столько сил потрачено, столько труда вложено, и удача, казалось, уже поворачивалась лицом...

Он привык все держать под контролем, и вот, совершенно неожиданно, вожди выскользнули у него из рук, как этот подоконник, за который он цеплялся даже не пальцами – ногтями, слыша, как они обламываются один за другим с оглушительным треском. Все, что он считал незыблемым, рушилось – прямо здесь, прямо сейчас. Ему всегда казалось, что перед смертью человек вспоминает прошедшую жизнь, анализируя ошибки и удачи. Черта с два: в данный момент в голове вертелась лишь одна мысль: удержаться, любой ценой удержаться на вытянутых руках, подтянуться и... Эх, зря он пренебрегал физическими упражнениями, а ведь еще не стар и вполне смог бы выполнить этот нехитрый трюк, если бы не был более привычен к гладкой, кожаной поверхности руля своего «Мерседеса», чем к не менее гладкой перекладине штанги!

Еще один ноготь приказал долго жить. Он висел всего несколько секунд, но в воспаленном от ожидания приближающейся смерти сознании они растянулись на минуты или даже часы. Он мог сколько угодно кричать и звать на помощь – никто не услышит, ведь в офисах никого нет, а до улицы целых двадцать три этажа. А наверху и... Он поднял голову... и... Руки соскользнули с отполированного дождем карниза.

Само падение, в отличие от его ожидания, было коротким.

* * *

Пятьдесят пять... Что ж, чуть меньше чем через месяц это произойдет, и никуда не денешься. Мне всегда казалось, что я буду готова, когда этот день настанет, – ан нет, поди ж ты, совершенно не готова! Помню, на пороге тридцатилетия я думала, что страшно постарела, перед сорокалетием меня несколько дней сотрясала мелкая дрожь, а когда стукнул полтинник, я было решила, что теперь ничто подобное мне не грозит – и вот, на тебе...

Глядя в трехстворчатое зеркало, трельяж, я внимательно изучала свое лицо. Сильно ли оно изменилось за последние пяток лет? Все, кто меня знает, в один голос утверждают, что нет, только почему-то по мере приближения очередного юбилея их голоса становятся все громче, и я улавливаю в их тоне некоторую неискренность. Может, конечно, придумываю, боясь поверить в правдивость тех, кто меня любит? Кожа у меня гладкая, как у сорокалетней, – тут уж я ничуть не грешу против истины. Думаю, дело в генах, но нельзя сбрасывать со счетов и постоянный уход за собой, которому я всегда уделяла много внимания. Глаза... Веки, пожалуй, с возрастом стали тяжеловаты. Не пора ли подумать о пластической операции? Еще десять лет назад я и представить себе не могла, что подобная мысль когда-нибудь зародится в моей голове! Но если немного подтянуть веки, то мои большие серо-голубые глаза, не потерявшие своей яркости, станут более выразительными. Вранье, что женщину годы красят – они не красят даже мужчину, за исключением некоторых редких представителей человечества, страшненьких в молодости, но с возрастом приобретших лоск и стать. Годы убивают женщину, особенно красивую, какой я всегда себя считала без ложной скромности. Ценой невероятных усилий я

умудрилась сохранить стройную фигуру и до сих пор влезаю в платья тридцатилетней давности. Что я для этого делаю? Стараюсь есть простую еду, минимум мяса и не допускать излишеств, хотя порой убить хочется за сдобную булку или шоколадку. Стоит ли это таких усилий? Глядя на большинство своих подруг, прихожу к выводу, что да: многие, к сожалению, давно махнули на себя рукой, заделавшись бабушками в прямом и переносном смысле. Ну, а я так просто сдаваться не собираюсь! Решено: пластическая операция, так пластическая операция.

В молодости я больше всего боялась состариться, но не потому, что потеряю привлекательную внешность. Когда перешагиваешь определенный возрастной рубеж, словно нажимается какая-то кнопка, и ты автоматически перестаешь быть интересной кому бы то ни было, за исключением нескольких самых близких – вот что по-настоящему страшно. Да и эти «самые близкие» ведут себя скорее снисходительно, нежели заинтересованно: твои суждения кажутся им побитыми молью, твои жизненные принципы, по их мнению, давно пора отправить на свалку истории ввиду безнадежной устарелости, и даже в поздравлениях пожелания «счастья в личной жизни и успехов в работе» сменяются тусклыми: «здоровья и долголетия». А что, о *личной* жизни и речи не идет? Я, между прочим, не замужем! Хотя, если уж начистоту, то я, так и не обретя статуса законной жены, никогда не мучалась по этому поводу. У меня две замечательные дочери и прекрасный сын, карьера, тучи благодарных пациентов и отличные друзья – чего еще можно пожелать на склоне лет? Возможно, любви? Я не слишком влюбчива по натуре и всегда предпочитала, чтобы любили меня. Сын родился, когда я еще училась в институте и лелеяла надежды на «нормальную» семью. Не сложилось. Его отец оказался слабохарактерным человеком, пошедшим на поводу у родителей, считавших меня недостойной парой для их «сокровища». Вспоминая себя, тогдашнюю, сейчас я склонна согласиться с их мнением. Я родилась в захудалом городишке под названием Гатчина, который, помимо дворца Павла I, больше ничем не знаменит. Жизнь там была скучная, и я класса с третьего дала себе слово непременно выбраться оттуда в Ленинград. Мама ломалась на трех работах, и я быстро поняла, что, если действительно хочу чего-то добиться в жизни, должна буквально прыгнуть через собственную голову. Какое счастье, что мне довелось родиться при Советской власти, – не приходилось размышлять о том, как на мамину скудную зарплату обеспечить себе образование! Школа наша была не хуже других, да и профессиональных учителей хватало. Однако знания, полученные за партой, не идут ни в какое сравнение с теми, что требуются для поступления в вуз. Мама всю жизнь проработала медсестрой, подрабатывая ночной сиделкой и уборщицей в местном психоневрологическом диспансере, чтобы прокормить меня и брата. Ее мечте стать врачом не суждено было сбыться, а я решила во что бы то ни стало добиться того, что не удалось ей. На репетиторов, само собой, денег не было, и я долбала книжки сама. В те времена о компьютерах и Интернете даже не мечтали, так что библиотека, где я постепенно подружилась со всем персоналом, стала моим вторым домом. Естественно, я читала не только книги по химии и биологии – Сервантес, Дюма, Скотт, Остин, Голсуорси и Экзюпери скрашивали мою бедную событиями жизнь. Я всегда предпочитала иностранную классику русской, жизнь, описываемая зарубежными авторами, казалась гораздо более увлекательной, нежели в романах Достоевского и Толстого. Я воображала себя героиней то одного, то другого произведения, и, в отличие от сюжета, мне, а не мужчинам, доставались все почести и сокровища в конце истории. Но я не забывала и о профильных предметах: к концу девятого класса учительница химии, разведя руками, сказала маме:

– Простите, Наталья Ивановна, но мне нечему больше научить вашу дочь!

Это была чистая правда, ведь учебники давали столь поверхностную информацию о необходимых мне предметах, что поневоле приходилось искать ответы в других местах. Мама, признаться, не верила в то, что авантюра с поступлением в Первый медицинский в Ленинграде выгорит, но не пыталась меня отговаривать, понимая, что если что-то втемяшилось в голову ее

дочери, то оттуда это уже ничем не выбить. Она только опасалась, как бы я, разочаровавшись, не потеряла вкус к жизни.

Боялась она напрасно: я поступила с первого раза. На экзамене по химии попалась сложная задача. Я решила ее по-своему, и экзаменатор не понял, как мне это удалось, не используя половину формул, необходимых в подобных случаях, – я их просто не знала. Он потребовал подробных объяснений, после чего спросил, что я получила за сочинение. Ответила, что четверку, и он, пожевав нижнюю губу, сказал сокрушенно:

– Я ставлю вам «пять», но, учитывая, что предстоят еще математика и биология, вы вряд ли поступите: конкурс слишком велик.

Сейчас такое заявление однозначно звучало бы как намек на внесение некоторой суммы «в фонд вдов и сирот» института, но тогда ни о чем подобном я и подумать не могла – другие времена, иные нравы. Я набрала восемнадцать баллов, но много оказалось «блатных» абитуриентов, правдами и неправдами набравших все двадцать. Я поняла, что рассчитывать мне не на что. В списках поступивших моя фамилия отсутствовала, однако, когда я, опустив голову, понуро плелась к выходу мимо деканата, секретарша схватила меня за руку.

– Ты, что ли, Саянова будешь? – требовательно спросила она.

Я удивленно кивнула.

– Ну да, он так тебя и описал: говорит, глазищи татарские, раскосые, и волосы как пепел, – закивала она, с интересом меня разглядывая. Под этим взглядом я поежилась: еще никогда меня не рассматривали так пристально. – Поступила ты, Саянова, во как!

– Как – поступила? – пролепетала я. – В списках...

– Твою фамилию внесли в последний момент, – перебила секретарша. – Евгений Яковлевич сказал, что ему нужен хотя бы один подающий надежды студент, иначе работать просто не с кем!

Позднее я выяснила, что таинственный Евгений Яковлевич как раз и принимал у меня экзамен по химии и именно благодаря его восторженным рекомендациям я попала в институт.

На первом курсе я оказалась в одной группе с Пашей Гавриловым, сыном академика Олега Гаврилова, лауреата всевозможных премий и автора научных трудов по акушерству и гинекологии. Мать Павла также была врачом, таким образом, он являлся потомственным медиком, которому заранее обеспечено большое и светлое будущее. До сих пор не знаю, была ли я влюблена в Пашку, или меня заворожала аура благополучия, парящая над его головой, – в любом случае, я «залетела» в конце второго курса. Родители незадачливого любовника пришли в ужас: как, девочка-лимитчица, ни кола, ни двора... Мамаша, Антонина Сергеевна, лично прискакала ко мне в общагу, и у нас состоялся разговор в духе сценки из фильма «Москва слезам не верит». Она настаивала на аборте, я категорически отказалась, но пообещала, что никаких «притязаний» на ее сына иметь не буду. Трусливое поведение Павла здорово поколебало ореол святости, который раньше я ему ошибочно приписывала, поэтому легко дала это обещание. Его мать, правда, оказалась намного порядочнее и, поняв, что аборт я делать действительно не собираюсь, помогла найти хорошего гинеколога для наблюдения за беременностью. Интересно, что по мере роста моего живота мы с Пашкой совершенно перестали общаться, тогда как Антонина Сергеевна, напротив, позванивала, интересуясь моим самочувствием. Думаю, ее подкупил тот факт, что я, как сумасшедшая, продолжала вгрызаться в учебу несмотря на свое состояние. Так продолжалось до самых родов – увезли меня прямо из института, но только после того, как я на «отлично» сдала экзамен. Подозреваю, «отлично» мне залепили со страху – вдруг рожу прямо в аудитории? Из роддома меня встречали подруги и... Антонина Сергеевна с огромным букетом и вышитым голубеньким одеяльцем для внука!

...За окном затормозила машина. Я сразу поняла, что приехал Влад, – всегда с легкостью узнаю звук его машины. Ну, точнее, не сам звук, а то, как он подъезжает к парадной, постепенно сбавляя скорость, глушит двигатель, через сколько секунд выходит из авто, аккуратно прикрыв

дверь. Так как живу я на втором этаже, то слышу такие вещи. Выглянув из окна, я увидела, что не ошиблась, и уселась обратно – у Влада свой ключ.

В этой огромной квартире мы обитаем вместе с младшенькой. Комнат всего три, но зато – сто восемьдесят квадратных метров! И все это она заработала сама с небольшой моей помощью от продажи «двушки» в сталинском доме. Дашутка – адвокат по уголовным делам – удивительное исключение среди моего потомства, как и я, предпочитавшего карьеру в медицине.

Поворот ключа в замке и громкий лай Бони возвестили о том, что Владик дома.

– Мам?

– Я тут.

Входит и внимательно смотрит на меня, будто видит впервые или после долгого отсутствия.

– Что-то ты зачастил, – говорю вроде как недовольно.

На самом деле я всегда рада его видеть, но в последнее время Влад заходит чуть ли не каждый день – волнуется, как бы я на пороге юбилея не выскочила из окошка, наверное. Если вдуматься, дурацкая идея: второй этаж, в худшем случае ноги переломаю.

Подходит и обнимает меня. Наши глаза встречаются. Какой же он красивый, мой сын: высоченный (сто девяносто), подтянутый, темноволосый – весь в Пашку Гаврилова, тот тоже красавцем был. Хотя почему – был? Слава богу, жив-здоров, доктор наук, академик, как папаша. С сыном у него отношения ровно-спокойные. До окончания школы Влад общался только с бабушкой, но потом Павел внезапно возник в его жизни. Я считаю, это потому, что у него в семье лишь дочки, хотя могу и ошибаться, ведь люди меняются. Однако Влад ничего не забыл, поэтому особой теплоты в отношениях отца и сына нет. Глаза у него мои, чуть раскосые. Не знаю, откуда взялся этот «монгольский» разрез – при моих-то светлых волосах и бледной коже, хотя догадываюсь, что татаро-монголы тут ни при чем: мама как-то обмолвилась, что папин дедушка был с Ямала.

– О чем размышляем? – поинтересовался сын, целуя меня в мочку уха.

– О пластической операции.

– Что-о?!

Надо было видеть, как вытянулось его лицо при этих словах.

– Ты серьезно? – добавил он после паузы.

– Абсолютно. Смотри, вот тут... и вот здесь.

– Ма, ты с ума сошла – кто тебе подал такую нелепую идею?

– Вот это самое зеркало, – ткнула я пальцем в трехстворчатого «советника». – А чего ты, собственно, так переживаешь? Оксана все сделает, она ведь пластический хирург!

– Да Оксанка тебя первая убьет! – перебил он. – За одну только мысль... Послушай, мам, ты и так красивая – стройная, как девочка...

– Ага, – вздохнула я. – Сзади пионерка, а спереди – пенсионерка!

– Ма-а-а! – застонал Влад, поглаживая меня по плечу, словно я была упрямым ребенком, а он – заботливым папашей, пытающимся отговорить этого ребенка от совершения глупости. – Ты же сама врач, хирург с тридцатилетним стажем – как ты можешь не понимать, чем чреваты подобные «эксперименты» в тво...

– Вот! – воздела я палец к потолку, сведя брови на переносице. – Ты сам сказал: «в твоём возрасте»!

– Ничего такого я не говорил! – возразил он. – Не вкладывай мне в уста свои собственные слова, пожалуйста. Я только имел в виду, что наркоз – опасная штука!

Решив, что дальнейшее обсуждение смысла не имеет, я перевела разговор на другую тему.

– Есть будешь?

– Мы не договорили.

– Успеем – я никуда не уезжаю. Тебе борщ или грибной?

– Гриб... Нет, борщ, пожалуй.

Жена Влада, Полина, благослови ее бог, за тринадцать лет их совместной жизни так и не научилась готовить. Поначалу я пыталась передать ей свои знания и опыт, но через некоторое время поняла, что не преуспею, и оставила семью в покое. Влад привык к аховой стряпне супруги – пришлось, так как во всем остальном она его полностью устраивала. «Остальным», как я предполагаю, был секс. Меня не раз подмывало поинтересоваться у сына, что же такого делает в постели Полина, чем держит его на коротком поводке, но я так и не решилась. Даже если бы смогла, Влад навряд ли стал бы со мной откровенничать. Полину нельзя назвать красавицей, однако она относится к той категории женщин, которых называют *хорошенькими*. Но сына всегда окружали хорошенькие девушки – видимо, дело в горячем темпераменте, которого никак нельзя заподозрить под простоватой внешней оболочкой Полины. Она с грехом пополам закончила Библиотечный институт, но ни дня не работала. Моя невестка уделяет много времени дому и семье, но не забывает и о себе – ходит на фитнес, в бассейн, два раза в месяц посещает салон красоты и кружок валяния шерсти – у меня накопилось порядочное количество шарфиков, собственноручно сваленных Полиной. Должна признать, руки у нее работают гораздо лучше головы: если бы жена Влада посвящала больше времени этому хобби, полагаю, она могла бы достичь больших высот. И еще одного у нее не отнять: Полина прекрасная мать, и за это я готова простить ей все, включая неумение приготовить яичницу.

– А на второе – котлеты с горошком или курицу со спаржей?

– Решу после супа.

Вымыв руки, сын вошел в кухню.

– Как ты умудряешься успевать готовить разносолы, если работаешь не меньше, чем мы все? – спросил он, приглаживая волосы мокрыми руками, как привык делать с детства. Этот жест был его «фирменным» – у всех моих детей есть такие, и этим они отличаются от всех остальных людей – ну, помимо ума и красоты, разумеется.

– Дашка же только ночевать приходит, – пожала я плечами. – Если вообще приходит – когда ей готовить-то? Неужели мать может спокойно смотреть, как ее ребенок голодает?

– А переезжай к нам, – с надеждой предложил он.

– Вот уж уволь! Мы с Полиной обожаем друг друга, но на расстоянии. Кстати, – добавила я, наливая борщ в тарелку, – чего ты прискакал-то?

– Как чего – мать родную проведать! – возмутился он. – И пожрать по-человечески.

– Случилось что?

У меня засосало под ложечкой: неужели с Полиной поругался? Признаюсь, сынок у меня – ходок, но до сих пор ему как-то удавалось водить мою невестку за нос и убеждать в том, что он вот уже столько лет верен ей одной. Я такого поведения не одобряю, но что делать, ведь он мой сын!

– Даже не знаю, – задумчиво отрывая кусок от целого батона, ответил он. – Ты помнишь такую фамилию – Кречет?

– Конечно, – кивнула я, испытав облегчение оттого, что речь не о Полине. – Толик Кречет, был у меня такой студент. Очень талантливый мальчик, потом я его ординатором взяла.

– Вот и я думаю – запоминающаяся такая фамилия... Он, кажется, частенько бывал на нашей старой квартире?

– С чего вдруг ты вспомнил?

– Ты только не волнуйся, ладно?

Здорово – именно те слова, чтобы я начинала потихоньку паниковать!

– К нам в отделение сегодня доставили парня, – продолжал Влад. – Я его не видел, но фамилию не мог не заметить.

– Авария? – спросила я.

- Кто-то избил его, причем очень сильно. Славка Афанасьев его лечащий врач.
- Думаешь, это *мой* Толик?
- Возраст вроде совпадает.
- Ему сейчас должно быть... около тридцати?
- Хотел навестить его и убедиться, но замотался и забыл. А потом, уже в машине, вспомнил. Зря, наверное, тебе сказал?
- Нет, не зря, – возразила я. – Завтра сама схожу.
- А кто к празднованию юбилея будет готовиться?
- Я же говорила, что никакого празднования не будет! Это в двадцать лет весело дни рождения праздновать, ну, в тридцать... Так что забудьте.
- А если это не он?
- Значит, просто навещу больного – что в этом такого?
- Ты уверена, что узнаешь его?

Я в этом не сомневалась. Толя Кречет всегда выделялся в группе – веселым нравом, чувством юмора – добрым, без сарказма, но главное – способностями. Я преподавала у них общую хирургию и почти сразу поняла, что руки у парня растут откуда надо. У Толика была непослушная шевелюра светло-русых волос, внимательные серые глаза и аккуратный нос с горбинкой. Почему-то именно с этой группой студентов-медиков у меня сложились самые нежные отношения, и многие до сих пор мне звонят и даже заходят, особенно накануне праздников. А вот с Толей мы связь потеряли. Что я о нем знаю? Несмотря на близкое общение в течение нескольких лет, он не распространялся о своих делах. У него всегда все было хорошо... Во всяком случае, так выглядело со стороны.

* * *

В отделении травматологии, где работает мой сын, мне знакома добрая треть персонала. Некоторых из них я учила, других представлял мне сам Влад, и они частенько обращались ко мне за консультациями. Так что, решив не отрывать сына от работы, я вошла в ординаторскую и обрадовалась, увидев там Лену Торгашову.

- Анна Демьяновна! – воскликнула она, вскакивая. – Вы к Владиславу Павловичу?
 - Нет, Ленок, я, собственно говоря, к Славику...
 - А он на операции. Я могу помочь?
 - К вам вчера одного пациента доставили – Кречет его фамилия.
 - Пойдемте на пост.
- Там Лена спросила у медсестры, в какой палате лежит пациент Кречет.
- В четвертой, – ответила та, заглянув в журнал.
 - Как его состояние?
 - Так себе, – пожала она плечами. – Вроде ничего страшного... Хотя поработали над ним серьезно! Странно, что к нему никто не приходит: уже почти сутки прошли – и ни одного посетителя. Вас проводить? – спросила Лена.
 - Не надо.
 - Вы знаете этого Кречета?
 - Сейчас выясним.
- В палате находились пятеро мужчин. Трое играли в домино, один, пожилой, читал журнал. На самой дальней кровати лежал молодой парень. Я узнала его, несмотря на разбитые губы и распухшую скулу.
- Толя?
- Навстречу мне распахнулись глаза цвета мокрого асфальта.
- Анна Демьяновна?!

Он дернулся и тут же взвизгнул от боли, как побитый щенок.

– Лежи-лежи, – сказала я, аккуратно поправляя подушку и удерживая его в лежачем положении. – Вот, думала – ты не ты...

– Как вы узнали?

Говорил Толик с трудом, едва разжимая губы.

– Влад рассказал. Мой сын, – пояснила я.

– Я помню, кто такой Влад. Что вы тут делаете?

А он изменился, подумала я. Стал мужчиной, а я знавала его еще мальчишкой с широкой улыбкой и блестящими глазами. И выглядит старше своих лет – складки вокруг рта, во взгляде появилась жесткость, которой раньше не было. Даже его худое, по-мальчишески стройное тело изменилось, обрастая мускулами и раздавшись в плечах.

– Вот, пришла тебя проведать, – улыбнувшись, сказала я. – Медсестра сказала, к тебе еще никто не приходил?

– Так некому приходить-то...

– Как – некому? А мама, сестренка?

Я ничего не знала об отце Толика, но о маме с сестрой он рассказывал, хоть и скупно.

– Мама умерла.

– Прости, я не знала!

Ненавижу такие ситуации: хочешь, как лучше, а вместо этого наступаешь на мину!

– Что случилось?

– Какой-то ублюдок сбил ее на пешеходном переходе. Свет горел зеленый, он был пьян, но... Короче, дело ничем не кончилось.

– Его же судить должны были?

– Я тоже так думал, только следователь сразу сказал, что никто нам ничего не должен. Шуму поначалу было много. Выяснилось, что водитель – сын прокурорши, рапорт ГИБДДэшники через пару суток переписали, и вот уже, оказывается, моя мама перебежала переход на красный свет и буквально сама кинулась под машину! По телевидению репортаж прошел, журналистка вопрошала: доколе, дескать, простые граждане будут гибнуть под колесами богатых и высокопоставленных?.. Помните, как вы говаривали – «гора родила мышь»!

Он замолчал, облизнув пересохшие губы. Я покрутила головой и, не увидев ни стакана, ни бутылки с водой, сказала:

– Погоди минутку!

Сбегала в буфет и купила минералки. Вернувшись, дала Толику напиток – бог знает сколько времени он мучается жаждой. Можно, конечно, поругать нянечек и медсестер, но я, работая в обычной государственной больнице, лучше других знаю, как обстоят дела со средним и младшим медперсоналом. Многое зависит от элементарной чуткости и душевности человека, от его способности к сопереживанию, но, согласитесь, трудно требовать этого от девочки, получающей крошечную зарплату и разрывающейся между десятками больных ввиду нехватки кадров!

Когда Толя с облегчением откинулся на подушку, я сказала:

– Господи, Толя, почему ты мне не позвонил?

– Разве у вас своих проблем мало?

– Ты все это время был один?

Он не ответил. Да и что тут ответишь? В несчастье мы обычно остаемся одни. Хорошо, если семья большая, а если нет? Друзья помогут поначалу, но у всех, как сказал Толя, есть свои проблемы, свои семьи, и нельзя рассчитывать, что они до бесконечности будут тебя поддерживать. За долгие годы жизни (я же в два раза старше этого мальчика!) я усвоила, что нужно научиться просить. Это не воспримут как нытье, не отмахнутся, а наоборот, помогут, если

сумеют. Но просить умеют не все, и, к сожалению, не всегда у них есть друзья, способные на расстоянии почувствовать беду и прибежать, приехать, прилететь на помощь.

– А твоя сестра... Марина, да? – спросила я, наморщив лоб.

– Вы помните?

Казалось, его удивил этот факт. Похоже, жизнь тебя не балует, Толик Кречет – а я-то думала, что ты весь в шоколаде, учитывая способности и мозги!

– А ты думал, я в маразм впала?

Он вспыхнул до корней волос.

– Марина болеет.

– Что-то серьезное?

– Да.

Нет, дружок, так не пойдет: если мне придется вытягивать из тебя каждое слово, разговор не склеится!

– Толя, – твердо сказала я, – я пришла помочь. Ты об этом не просил, но я уже здесь и готова сделать все, что смогу. В чем дело? Не ожидала, что увижу тебя в таком состоянии, – ты никогда не выглядел бузотером!

– Не влезайте в это, Анна Демьяновна, – качнул головой парень. – Поверьте, вам это не надо: не хочу отвечать за то, что втянул вас!

Черт, а все серьезнее, чем я предполагала! Как же его «расколоть»?

В этот момент в дверь палаты тихонько поскреблись, затем она распахнулась, и на пороге возникла тоненькая девушка с длинной косой в простеньком трикотажном платье. Огромный букет цветов не помещался в ее руке, и она то и дело поправляла его другой рукой, в которой держала пластиковый пакет.

– Слава тебе господи, ты здесь! – выпалила она, стремительно приближаясь. Взгляд незнакомки был сосредоточен на Толе, и меня она заметила, только оказавшись на расстоянии десяти сантиметров. – Ох-х... Прости, ты не один?

– Это Настя, – проговорил Толик. Голос его отчего-то звучал виновато, словно он считал появление девушки большим беспокойством для меня.

– Очень приятно, – улыбнулась я. – Анна Демьяновна.

– Вы – родственница? – озадаченно спросила Настя.

– Преподаватель. Бывший.

– А-а. Толь, ну ты даешь! Мы чуть с ума не сошли, все больницы обзвонили, еле-еле тебя нашли – ты что, позвонить не мог?!

– Они мой телефон разбили.

– Сволочи! Ладно, главное, что ты жив и более-менее здоров. Я тут тебе принесла...

И она принялась выкладывать на тумбочку яблоки, виноград и бананы, пакет сока и печенье.

– Куда мне столько? – ужаснулся Толик.

– Тебе полезно – вон, кожа да кости одни!

«Какая заботливая! Между вами что-то есть? Не похоже, чтобы парень обрадовался твоему появлению».

Медсестра вкатила капельницу.

– Ну, нам пора, – поднимаясь, сказала я, беря Настю под руку. Она явно не намеревалась так быстро уходить, но я подтолкнула ее к выходу. – Надо дать больному отдых!

– Вот именно! – пробурчала молоденькая сестра, прилаживая капельницу рядом с койкой Толи. – То никого, то целая толпа...

Оставив ее бурчать и возмущаться, мы попрощались и вышли.

– Настя, – обратилась я к посетительнице, – где мы могли бы поговорить?

– Со мной? – удивилась она.

– Может, в кафетерии?

Пожав худенькими плечами, девушка согласилась. Больницу сына я знаю не хуже, чем собственную, поэтому безошибочно ориентируюсь в хитросплетениях коридоров и знаю «короткие пути». Оказавшись в кафетерии на первом этаже, я усадила Настю и сказала:

– Возьму вам кофе и... хотите чего-нибудь еще?

– Нет, спасибо.

Поставив две чашки дурно сваренного больничного кофе на столик, я уселась напротив и заговорила:

– Откуда вы знаете Толика?

Настя с подозрением разглядывала меня.

– Вы – правда его бывший преподаватель?

– А что, есть сомнения?

– Да нет. Извините, Анна...

– Демьяновна.

– Извините, Анна Демьяновна, но в последнее время вокруг столько всего плохого происходит, что я уже не знаю, кому верить!

– Расскажите! – потребовала я. – Толик молчит, как рыба, а давить мне не хочется – ему и так сейчас несладко.

– Он и не расскажет, он такой, – кивнула Настя.

– Вы знаете, кто его избил?

– Охранники.

– Охранники – чего?

– Компании «Фармакония».

– А поподробнее? Видите ли, Настенька, мы с Толей давненько не виделись, поэтому я абсолютно не в курсе его нынешней жизни. К примеру, только сейчас я узнала, что его мама погибла три года назад...

– Погибла? – переспросила девушка. – Да нет, она умерла в прошлом году!

– Погоди-погоди... – пробормотала я, потирая подбородок. Действительно, с чего я взяла? Да с того, что из Толика слова не вытянешь – как партизан на допросе, честное слово! – А от чего же она умерла?

– Когда ее сбила машина, у нее оказался поврежден позвоночник. Из-за этого начались проблемы с сосудами, и на этой почве случился инсульт. Она пролежала пластом два года – не двигалась, не разговаривала даже. Толя пытался ее на ноги поставить, но ничего не вышло, и мама умерла.

– А Марина?

– У нее год назад обнаружили рак.

– Боже мой, как же я ни о чем не знала?! Его друзья могли бы хоть позвонить...

– А никто не знает, – покачала головой Настя. – Он никому ничего не рассказывает.

– А ты? – спросила я. – Как получилось, что тебе известно так много?

– У нас общее горе. Мой младший брат Рома болен тем же, чем и Марина. Они лежали в одном отделении онкоцентра – там мы и познакомились.

– Но это все не объясняет избиение Толи, – заметила я.

– У вас есть время?

– Сколько угодно!

– Тогда, может, зайдем ко мне? Я вам кое-что покажу.

* * *

Настя жила в блочной многоэтажке, на десятом этаже. Дверь она открыла своим ключом и тут же закричала:

– Мама, ты дома? Я не одна!

Из кухни выбежала женщина в застиранном переднике, наскоро вытирая об него руки. Выражение ее лица было испуганным.

– Ты нашла его? – спросила она у девушки.

– Нашла, все в порядке, ма. Это – Анна Демьяновна, знакомая Толи. Моя мама, Ирина Георгиевна.

Мы дружелюбно кивнули друг другу.

– Вы уж извините, – пробормотала мама Насти, – я тут плюшки затеяла... Рома их очень любит, хочу в больницу отнести.

– Не обращайтесь на меня внимания, – сказала я. – Я всего на несколько минут.

– Я хочу показать ей митинг на «Ю-тубе», чтобы она имела представление о том, что происходит, – пояснила Настя и потащила меня в маленькую комнатку, оказавшуюся девичьей спальней. Вещи аккуратно лежали на своих местах, даже книги, как я заметила, расставлены на полках по алфавиту. Похоже, наша Настенька – основательный и даже педантичный человек! Плюхнувшись на крутящийся стул, она открыла ноутбук и вышла в Интернет. Через ее плечо я глядела на экран.

– Вот, – сказала Настя, разворачивая компьютер так, чтобы мне было лучше видно, – это один из наших снимал.

– Из *ваших*?

– Ну, ребят из нашего сообщества.

– Сообщества? Милая моя, да вы никак переворот готовите? Ячейка какая-то подпольная...

– И ничего не подпольная! – обиделась девушка. – Мы ни от кого не скрываемся, только требуем справедливости – и все. Сами смотрите!

На экране я увидела большую толпу людей. Среди них находились представители всех возрастов, но больше всего было молодых лиц. В руках у некоторых были плакаты и транспаранты с яркими и доходчивыми надписями: «Фармаконию – на мыло!», «Тюрьма по вам плачет!», «Митрохина – под суд»!

– Что это за Митрохин такой? – поинтересовалась я.

– Председатель совета директоров «Фармаконии», – ответила Настя, поджав губы. – Фактически, ее владелец.

В этот момент на экране появился Толя, стоящий на импровизированной трибуне, сооруженной из подручных средств, включая деревянные ящики из-под фруктов и овощей. На фоне высоченного здания из стекла и бетона эта конструкция выглядела маленькой и жалкой. Кто-то передал Толику микрофон.

– Народ, – обратился он к толпе, сверкая глазами, – не дадим им издеваться над самим понятием «лечения»! Мы должны остановить выпуск «Голудрола», иначе ваши друзья и родственники, а также сотни незнакомых, нуждающихся в помощи людей продолжают гибнуть от рук нечистых на руку предпринимателей!

Раскрыв рот, я наблюдала за тем, как толпа громким, слаженным ревом поддержала выступающего. Ну, Толик, не ожидала: сейчас он выглядел, как революционер на баррикадах. Я легко представляла себе, что, окажись в его руках винтовка вместо безобидного микрофона, он точно знал бы, как ею воспользоваться!

Толик продолжал говорить, а потом из здания выбежали человек пять дюжих молодцев в одинаковых костюмах и, расталкивая людей, принялись пробиваться к «трибуне». Один из них попытался стащить оратора, но люди, обступившие мужика со всех сторон, не позволили ему этого сделать. Тогда другой «костюм», более «дипломатичный», начал что-то говорить, обращаясь к толпе и одновременно к Толику. Тот молча выслушал и, к моему удивлению, передав микрофон кому-то из первых рядов, спустился. Затем в сопровождении эскорта из «костюмов» с бритыми затылками он направился к главному входу в здание. На пороге обернулся и махнул рукой, словно призывая дождаться его возвращения. На этом запись заканчивалась.

– Он так и не вернулся, – сказала Настя, закрывая ноутбук. – Мы ждали почти час, а потом двое ребят пошли выяснить, куда подевался Толя. Их внутрь не пустили – сказали, что «вопрос решился положительно» и он уже ушел. Только как он ушел и что значит «положительно», мы так и не поняли. Без Толи митинг свернулся, потому что никто не представлял, что делать дальше.

– Значит, – сказала я, – ты думаешь, его избили в «Фармаконии»?

– А где же еще? Можно, конечно, предположить, что он пробирался домой под покровом ночи и наткнулся на бандитов-разбойников, но это, согласитесь, наименее вероятное развитие событий! Я как раз собиралась его расспросить, когда появилась эта чертова медсестра...

– Скажи-ка мне, что это за «Голудрол», о котором упоминал Толик?

– Так в нем же все и дело! Понимаете, полгода назад «Фармакония» выбросила на рынок этот самый препарат, который якобы помогал при остром лейкозе, которым больны Марина и мой братишка Рома, а также все те люди, кого вы видели на пленке, или их родные и близкие. «Голудрол» должен был помочь, и поначалу так оно и выглядело: пациенты быстро шли на поправку. Но у этого лекарства имеется серьезный побочный эффект, не заявленный в описании: оно вызывает тяжелую почечную недостаточность и, как следствие, полный отказ почек!

– Какой кошмар! – вырвалось у меня. – И много пострадавших?

– Куча. Есть один парень, Митька Прошкин... Он приятель Толи, хоть и пацан еще – кажется, они в одном доме живут. Так вот, Толя обратился к нему, и Митька создал специализированный блог, где могли беседовать пострадавшие. Он кинул клич в социальных сетях, и получился настоящий обвал жалоб на «Голудрол»! Вот так, постепенно, создалось сообщество.

– И Толик, значит, его возглавляет?

– Не то чтобы... У нас нет как такового лидера, но Толя все-таки медик, он лучше разбирается во всяких медицинских терминах, в химии, биологии... Из-за «Голудрола» Рома и Марина оказались на диализе, и это не кончится до тех пор, пока не пересадить почку...

– А раковым больным, у которых не достигнут устойчивый период ремиссии, надеяться на это не приходится! – закончила я за девушку.

– Вот именно – замкнутый круг получается!

Худенькие плечи поникли, и я едва удержалась от того, чтобы не обнять Настю. В этот момент вошла Ирина Георгиевна.

– Все готово! – возвестила она. – Можно есть плюшки.

* * *

– Ну, мать, ты даешь!

Этими словами приветствовал меня Влад, заходя в квартиру и на ходу избавляясь от обуви, не обращая внимания на счастливого Бони, не знающего, как угодить гостю.

– А в чем дело? – не поняла я. – И вообще ты бы хоть позвонил, а то еда еще не готова...

– К черту еду! – рявкнул сын. – После твоего визита такое началось!

– Да что началось-то, говори толком?!

– Я возвращаюсь с операции, а навстречу медсестра запыхавшаяся с криком: ой, надо полицию вызывать! Я – в палату к твоему Кречету, а там, понимаешь, дым коромыслом: какие-то мужики набились, тетка в мехах, все орут, и больше всех наш пострадавший... Кстати, все с ним будет хорошо, если тебе интересно – два ребра сломаны, вывих плеча, гематомы, но ничего фатального. Так вот, до полиции, слава богу, не дошло, но мы со Славкой и медбратьями еле-еле вытолкали всю эту шушеру из палаты!

Только сейчас, когда Влад повернулся левой щекой, я заметила на ней расплывающийся синяк.

– Тебя ударили?!

– Да ерунда... Баба в мехах так вопила, что у меня чуть барабанные перепонки не гикнулись, грозила судами Славке, мне и всей больнице!

– Тебе?

– Ну да, за то, дескать, что потворствую преступникам и дебоширам. Я – потворствую, как тебе нравится, а? На ней брюликов, скажу я тебе, как на новогодней елке, – вся увешана. Видать, крутая бабеч!

– А из-за чего сыр-бор случился? – взволнованно спросила я. – Кто были эти люди?

– Да не знаю я. Хотел с Анатолием поговорить, да у мужика, который с ним в палате лежит, сердечный приступ случился на фоне происшедшего, пришлось бригаду кардиологов вызывать... А потом у меня были операции. Короче, перед уходом я заскочил к Толянну и спросил, как он все это объясняет. Он сказал, что они не вернуться, так что я, дескать, могу быть спокоен. Парень чувствовал себя виноватым из-за того пациента... Хотя с ним, к счастью, обошлось.

Пока я готовила и кормила сына, явилась Дарья. Она влетела в дверь, как ураган, – ее обычная манера появляться, вызывая сотрясение воздуха. Светлые волосы разметаны, глаза горят, рот растянулся до ушей при виде Влада.

– А, братец тут! – весело восклицает она и чмокает его в щеку, оставляя на ней след розовой губной помады.

– Ты меня до развода доведешь, – бурчит Влад, остервенело вытирая помаду салфеткой, но на самом деле он ничуть не сердится.

– О чем базар?

– Не базар, а разговор: за тридцать уже, а разговаривать по-человечески так и не научилась!

– Умеешь ты, братец, сделать девушке комплимент, – надула губы Дарья и плюхнулась на стул напротив Влада. – Между прочим, мне больше двадцати пяти никто не дает!

– Льстят, – убежденно ответил Влад. – Безбожно льстят!

Сын, конечно же, лукавит: Даша и в самом деле выглядит моложе своих лет. Блондинка, но с темными бровями и карими глазами, похожими на спелые вишни, нежным, персиковым цветом лица и полными губами, она с четырнадцати лет является предметом вождления особей противоположного пола. Уже в восьмом классе мне пришлось объяснить ей, как получают дети и как этого избежать. Дочь вняла моим увещаниям и до первого курса института мне не на что было пожаловаться. А потом она словно с цепи сорвалась. Первым жертвой ее чар пал моложавый профессор, заведующий кафедрой юрфака. Даша вскружила мужику голову в два счета, и он, примерный семьянин, отец четверых детей, плясал под ее дудку полтора года. Дарил дорогие подарки, возил отдыхать за границу и представил многим влиятельным людям Питера. Зря он это сделал: дочура тут же переключилась на более интересный, с ее точки зрения, вариант, который являлся депутатом городской думы. Бедный профессор дневал и ночевал под нашей дверью, и я лично отпаивала его чаем с коньяком, боясь, что почтенный отец семейства замерзнет зимой на холодной лестнице. На мой взгляд, Дарья поступила с ним безжалостно, хотя, между нами, поделом – нечего от жены гулять! После депутата были: дирижер

Мариинского театра, зам. главы администрации Невского района, ведущий артист БДТ и так далее, и тому подобное. Вереница мужчин в ее жизни не иссякала, и я со временем махнула рукой: дитя выросла, и я, как мать, уже не могла влиять на ее личную жизнь. Порой меня одолевают страхи, что Дашкины эскапады когда-нибудь плохо кончатся. Порхая по жизни, как красивая экзотическая бабочка, она рано или поздно влюбится в человека, который не ответит ей взаимностью. И вот тогда, как говорится, отольются кошке мышкены слезки... С другой стороны, мужчины, с которыми предпочитает иметь дело моя дочь, вряд ли заслуживают жалости – ведь они без тени сомнения обманывают собственных жен и предают детей ради удовлетворения сиюминутной слабости!

– Мам, пожрать дашь?

– Давно пора самой научиться готовить, – вздохнула я. – Кто ж тебя такую замуж возьмет?

– Ну, ничего – вон, Владка же взял Полинку, а она тот еще повар!

Против правды не попрешь: юрист в моей дочурке никогда не спит и всегда готов ответить весомым аргументом на любые обвинения. Пока мои дети с удовольствием жевали приготовленную мной пищу, я рассеянно помешивала на плите малиновый кисель, размышляя о Толике и всей этой странной ситуации вокруг него.

– Что-то она замолкла, – обратилась Дарья к брату. – Не к добру?

– Согласен. Мам, ты с нами?

– А? – откликнулась я, возвращаясь к действительности. – Кстати, Даш, ты же вела когда-то дело о поддельных лекарствах, так?

– Ага, – кивнула дочь, по-детски облизывая ложку розовым языком с обеих сторон. – Я тогда упекла за решетку верхушку целой аптечной сети да потом еще и гражданский суд выиграла на кругленькую сумму... А чего это ты вспомнила?

– Тебе знакомо такое название – «Фармакония»?

– Что-то слышала... Небольшая компания, но неплохо развивающаяся – с некоторых пор.

– Что ты имеешь в виду?

– Из-за того дела мне пришлось изучить фармацевтический рынок, и я по ходу выяснила, что «Фармакония» переживает не лучшие времена. Некоторое время назад погиб ее владелец, Антон Митрохин, и его вдова и сын оказались перед выбором: продать компанию или встать во главе ее. Проблема в том, что покойный Митрохин практически разорил «Фармаконию» неумелым руководством, а также непомерной тягой к заключению невыгодных сделок с покупкой недвижимости и строительными подрядами. У Ильи Митрохина мозги варили лучше, чем у папаши. Не знаю, как ему это удалось, но Илья быстро заключил серию удачных контрактов, и дела снова пошли в гору. Молодой Митрохин, кажется, хороший делец, но и ему оказалось не под силу быстро покрыть папашины долги. Хотя в последнее время положение, похоже, немного выправилось, и «Фармакония» набирает обороты.

– Поня-а-атно, – протянула я задумчиво. – Ты сказала, Митрохин-старший погиб?

– Вроде бы выпал из окна собственного офиса – самоубийство. Очень вовремя: слишком уж он раздухарился со своими неудачными вложениями, остановить его не представлялось возможным, и компания быстро и планомерно катилась к обрыву... А почему тебя интересует «Фармакония»? – спросила заинтригованная Дарья.

– Обещаю, что ты первой обо всем узнаешь, как только мне будет чем поделиться.

– Кстати, – подал голос Влад, – ты рассказывала Дашке о Толяне?

– О каком Толяне? – спросила дочь.

– Помнишь, у матери был студент, Толик Кречет?

Мне показалось, что выражение лица дочери изменилось, но только на мгновение.

– Кречет... Ну да, вроде помню такого. И что с ним?

Оставив детей за разговором, я пошла в свою комнату и набрала в «Гугле» слово «Фармакония».

* * *

В больницу к сыну я смогла заскочить только через двое суток. На входе в отделение я столкнулась со Славиком Афанасьевым и спросила его о том, как чувствует себя его пациент Кречет.

– А он больше не мой пациент, Анна Демьяновна, – ответил Слава.

– Как это?

– А вот так: парень сам себя выписал, другими словами – просто сбежал домой.

– И его отпустили?

– А что, силой держать прикажете? Травмы его, слава богу, не смертельные, сам он медик, так что не думаю, что нужно опасаться за жизнь вашего протеже. А вообще-то, честно вам скажу, и к лучшему, что он ушел, а то проблем не оберешься с таким беспокойным больным!

– Ты о чем? – насторожилась я.

– Да я о посетителях его, Анна Демьяновна! Во-первых, приходила тетка в собольей шубе – вам Влад, наверное, рассказывал?

Я кивнула.

– Так вот, тетка эта жутко скандальная оказалась, всех на уши подняла.

– А кто она такая и чего ей надо?

– Не знаю, кто она, но во второй раз вроде бы за сыном своим приходила.

– Он что, тоже тут лежит?

– Да какое там лежит – он навещал вашего Кречета!

– И ты, конечно же, не в курсе, зачем?

– Ну, извините, – развел руками Слава. – У меня и без него дел по горло – знай успевай разбираться!

– А если все-таки подумать?

Славка – хороший парень. Немного импульсивный и, возможно, плохо воспитанный, но душевный, если узнать его поближе. Да и хирург хороший – помимо Влада, я всегда рекомендую знакомым именно его, уверенная в знаниях, профессионализме, а главное – в том, что он никогда не отнесется к пациенту спустя рукава.

– Если подумать, – ответил он наконец, – то сначала к Кречету пришел парень. Они не ругались, просто мирно разговаривали – я как раз обход делал. Потом прибежала эта «меховая» баба в сопровождении телохранителей.

– Телохранителей?!

– Ну, не знаю я, кто они такие – выглядели, как телохранители, – пожал плечами Слава. – Тетка устроила такой скандал, что все отделение сбежалось поглядеть. Пришлось вызвать охрану и вытолкать всю толпу из отделения. Потом девчонка приходила, симпатичная такая, с косой, затем еще какие-то люди – не больница, а проходной двор! А вечером Кречет свалил и даже за выпиской не пришел.

– Ясненько.

– Да кто он такой вообще, ваш приятель, – тайный карбонарий какой-то? А эти люди – его «партийная ячейка» или как?

– Что-то вроде того, – вздохнула я. – Ладно, Слава, спасибо за информацию. Пойду я, не буду отвлекать.

– Да когда вы отвлекали, Анна Демьяновна? Кстати, на ловца и зверь бежит: раз уж вы здесь, может, посмотрите одного моего больного?

– Долг платежом красен, да? – усмехнулась я. – Хорошо, пойдем!

* * *

Дома Толи не оказалось. Я, конечно, понимаю, что в его возрасте болячки заживают как на собаке, но, принимая во внимание тяжесть побоев, я бы поостереглась шататься где-то, не долечившись. Дверь мне открыла Марина. Мы никогда не встречались, но она почему-то сразу поняла, кто я такая.

– Толи не будет до вечера, – сказала девушка. – А то и до ночи: я обычно не могу его дожидаться и ложусь спать.

Она была высокой, очень худенькой, почти прозрачной, и бледной. Под глазами, несмотря на юность, ясно видны отеки: будь Марина лет на двадцать постарше, отечность была бы выражена намного отчетливее.

– А где может быть твой брат? – спросила я, когда девушка провела меня на кухню и поставила чайник.

– Ой, он целыми днями носится, как ужаленный! – махнула рукой Марина. – Трижды в неделю с утра возит меня на диализ, потом едет на работу. Забирает меня с диализа либо сам, либо просит кого-то из друзей – они уже привыкли. После работы – в институт... Вы знаете, у него ведь предзащита послезавтра?

– В самом деле?

Я не знала – откуда? Однако новость меня обрадовала: в наше время врачу без степени приходится несладко, а уж Толику-то сам бог велел заниматься наукой. Я боялась, что он, будучи практиком до мозга костей, пренебрежет кандидатской и так и останется на вторых ролях, хотя мог бы сделать головокружительную карьеру.

– Поэтому он и не смог оставаться в больнице, хотя я и накричала на него, – вздохнула Марина. – Теперь вот жалею: ну чего я разоралась, ведь он крутится как белка в колесе!

– А почему Толя домой так поздно приходит? – спросила я. – Не может же он в институте пропадать все это время?

– Он вечерами по частным пациентам бегает: на нем четыре лежащие бабушки и несколько больных, которым он уколы ставит. Нам нужны деньги, но я не хочу, чтобы он столько работал, – так ведь долго не протянешь! Не представляю, на каком топливе Толик бегает, – он почти не спит, даже сидит редко, на работе с утра до ночи!

При упоминании о «топливе» у меня в мозгу что-то щелкнуло. Молодость организма отчасти объясняет такое поведение моего бывшего студента, но что-то подсказывало мне, что этот «энерджайзер» имеет искусственное происхождение.

– Ты права, – кивнула я. – Я с ним поговорю.

– Ой, поговорите, пожалуйста! – сложила руки Марина, умоляюще глядя на меня. – Если с ним что-нибудь случится, я... я просто не представляю, что стану делать!

– А почему ты решила, что с ним что-то может случиться?

– Ну, его же избили, так? Эти люди на этом не остановятся, и он тоже не собирается: такого упрямого человека, как мой брат, еще поискать!

– Вы подали в суд на «Фармаконию»? У вас есть все основания, учитывая, что пострадавших от этого, как его...

– «Голудрола».

– Да, «Голудрола» – пострадавших хватает.

– Думаете, Толя не пробовал? Да он такое досье собрал – любой прокурор бы только обрадовался!

– И что, никто не обрадовался?

– Никто. Его пинали из одного ведомства в другое, из прокуратуры в Комитет по здравоохранению и обратно... Короче, все кончилось ничем – как в мамином случае.

Голос Марины сорвался, но она не заплакала, а просто набрала в легкие побольше воздуха и продолжила:

– Потому-то Толя и решил идти радикальным путем.

– Радикальным – это как?

– Путем привлечения внимания народа к тому, что творит «Фармакония». Я с самого начала была против, ведь эти люди, они богатые, у них сила и власть... Только Толик не слушает, удила закусил и разогнал, как бронепоезд... Боюсь, все плохо кончится!

– Не переживай, Мариш. Я обещаю, что попытаюсь убедить твоего брата не лезть в бутылку. Ты-то как сама?

– Да...

Она махнула рукой.

– Что, так плохо?

– Толя говорит, что все будет хорошо, но я не верю: он и маме так говорил!

– Он старается изо всех сил!

– Да знаю я, знаю, – вздохнула девушка. – Сначала с мамой возился, теперь вот со мной – никакой личной жизни у него нет, никакого просвета! Он говорит: «Надо бороться!», а у меня руки опускаются, когда его по утрам вижу – с кругами под глазами, невыспавшегося, уставшего... Иногда я думаю – может, ничего не делать? Говорят, с моим диагнозом боли редко бывают, а я, честно говоря, только боли и боюсь, а смерти... Наверное, я уже свыклась с этой мыслью. Кроме того, если меня не будет, Толику не придется так надрываться!

– Глупости не говори! – рассердилась я. – О брате подумай: он потерял мать, и потеря тебя стала бы для него сокрушительным ударом! Надо верить в лучшее. Если бы он обратился ко мне, я бы все сделала, чтобы вам помочь, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда: теперь я напрягу свои связи. Кто твой лечащий врач?

– В онкологии? Да, собственно, уже никто.

– Не поняла.

– «Голудрол» был последней надеждой. Когда выяснилось, что у меня отказывают почки, его отменили, а меня выписали домой.

Я была так зла, что слова застревали в горле. Бывают безнадежные случаи, но врач обязан бороться за жизнь пациента и вместе с ним верить в лучший исход. Если не помогает одно лечение, надо пробовать другое, третье. Отказываться от больного – последнее дело, и только непрофессионалы могут себе такое позволить!

– Забудь, – резко сказала я. – Если твой врач работать не умеет, мы найдем другого!

Марина посмотрела на меня в упор. В ее больших и серых, как у брата, глазах печаль и недоверие постепенно сменялись надеждой. Она была робкой и грозила сложить лапки при первом дуновении ветра, но все же я добила желаемого: девушка немного воспрянула духом. Теперь дело за малым – найти того самого врача, который возьмется за ее случай.

* * *

Кабинет Ольги Копыловой походил на интерьер космического корабля из сериала «Вавилон-5»: большой, светлый, с потолочными лампами приятного зеленоватого цвета, ультрасовременным компьютером и мебелью под цвет ламп. Мне пришлось обзвонить добрый десяток бывших студентов, чтобы выяснить, что Оля – та, кто мне сейчас нужен. Вернее, нужен Марине Кречет. Странно, я помнила ее фамилию, но совершенно забыла, как выглядит сама Ольга. Хотя чему удивляться? Сейчас меня встретила женщина средних лет ничем не примечательной внешности. Однако стоило ей улыбнуться, как я вспомнила девочку с вечно взъерошенной короткой стрижкой на рыжеватых волосах и умными голубыми глазами.

– Ой, Анна Демьяновна, как я рада вас видеть! – воскликнула она. – Сто раз собиралась вам позвонить, но вы же понимаете, то одно, то другое...

– Конечно, понимаю, Оль, – согласно кивнула я. – Все мы люди занятые, свои семьи, работа...

– Надеюсь, вы не больны? – нахмурилась она, отступая и разглядывая меня.

– Нет-нет, не волнуйся – я в порядке!

– Оно и видно, – снова улыбнулась она. – Выглядите – отпад!

– А мне скоро пятьдесят пять! – неожиданно вырвалось у меня. Не знаю, чего это меня вдруг разобрало: еще вчера я и про себя-то боялась выговорить это страшное число, а тут – чудеса! Может, я сделала это из женского тщеславия?

– Да что вы?! Ни за что бы не поверила!

– Ты тоже отлично выглядишь, – заметила я, не покривив душой. Оля никогда не блистала красотой, но сейчас передо мной стояла ухоженная, аккуратная женщина, знающая себе цену, и это отражалось на ее широком, добром лице. – Блондинкой стала – тебе так лучше!

– Так это ж я из-за вас!

– В смысле?

– Ну, вы были всегда такая красивая, яркая, а я, со своими бесцветными патлами все смотрела на вас и любовалась. Как в ординатуру поступила, решила на радикальную смену цвета. И вот, уже двадцать лет не нарадуюсь!

Мы немного поболтали о семьях и детях, а потом я решила, что пора переходить к делу, за которым я, собственно, пришла. Пока Оля читала копию истории болезни Марины, я напряженно наблюдала за ее лицом. По тому, как менялось его выражение, я поняла, что она вряд ли скажет мне что-нибудь утешительное.

– Кто она вам, эта девочка? – спросила Оля, закончив и подняв на меня глаза.

– Сестра моего бывшего студента.

– Я его знаю?

– Нет, он на десять лет позже заканчивал.

– Что ж, – вздохнула она, – сами понимаете, шансов тут маловато!

– Да все я понимаю, Оленька, но речь и не идет о море возможностей – всего-то об одной, которой ее лишают в онкологическом диспансере. Марину отослали «лечиться» домой, а мы ведь обе знаем, что это значит?

– Умирать выписали, – кивнула Оля.

– Понимаешь, за границей разные медицинские центры практикуют экспериментальное лечение для безнадежных больных, и таких вариантов там сотни. У нас же, чего скрывать, крайне редко предлагают пациентам новые возможности, а ведь они помогают пусть не всем, но хотя бы десяти-двадцати процентам. Даже просто продлить срок – уже победа, ведь наука движется семимильными шагами, и то, что казалось невероятным вчера, завтра может стать действительностью, и эти люди получают реальную перспективу излечиться!

– Вы правы, у нас с этим напряженка. Наш центр открыли недавно, и он оборудован по последнему слову техники – я до сих пор поверить не могу, что это не сон и что я действительно могу пользоваться всеми благами современной медицинской техники! У нас есть пара-тройка направлений, и нам всегда нужны добровольцы. Только вот у вашей девушки, помимо лейкоза, есть серьезное осложнение в виде почечной недостаточности...

– Развившейся на фоне приема «Голудрола», – перебила я.

– Да, я что-то слышала об этом препарате, – пробормотала Оля, – но сама не сталкивалась ни с ним, ни с теми, кто его принимал. Я смотрю, врач слишком уж понадеялся на эту «панацею» и не провел ряд самых обычных мероприятий, связанных с этим диагнозом. К примеру, важной частью лечения могла бы стать трансплантация костного мозга, которую почему-то даже не рассматривали! При этой процедуре все продуцируемые клетки крови вначале раз-

рушаются облучением, а затем новые клетки от подходящего донора вводятся в костный мозг со здоровыми клетками. Для предотвращения вторжения опухолевых клеток из костного мозга возможно проведение лучевой терапии... А эту пациентку здорово запустили. Любое лечение онкологии связано с убиванием иммунитета, а с таким диагнозом, как почечная недостаточность... Я имею в виду, сколько она еще протянет на собственных почках без пересадки?

– Но ты возьмешься? – с надеждой спросила я. Не люблю выдавливать из людей ответы, но судьба Марины на кону, а я дала слово сделать все возможное.

– А у меня есть выбор? – слабо улыбнулась Оля. – Везите вашу девочку, сделаем, что сумеем.

* * *

Единственным местом, где я могла надеяться отловить Толика, являлась его кафедра в медицинском университете. Туда-то я и отправилась, зная, что у него должна состояться предзащита – не может же он на нее не прийти?

Я опоздала и прокралась в аудиторию, стараясь производить как можно меньше шума. К счастью, дверь находилась наверху, и мне не пришлось проходить мимо кафедры – я просто устроилась в последнем ряду.

Толик говорил хорошо и гладко – он всегда умел четко излагать свои мысли и связывать слова в красивые, сложные предложения. В том, о чем он говорил, я разбираюсь слабо, поэтому не слишком вслушивалась в смысл, а внимательно разглядывала его, пытаюсь понять, что мне не нравится. В целом, все выглядело нормально, но несколько настораживал замедленный темп речи оратора. Не то чтобы он растягивал слова, но время от времени как будто спотыкался о следующую мысль и делал паузу, которой явно не предполагалось в этом конкретном месте. Закончив, Толя поднял глаза и спросил, есть ли у кого-то вопросы. Присутствующие словно только этого и ждали, обрушив на кандидата целый шквал таковых. Поначалу Толик отлично справлялся, но вдруг замолк посреди предложения и огляделся, будто впервые понял, где находится. В его глазах застыло удивление. Он молчал, и народ начал смущенно переглядываться. Когда пауза стала превращаться в продолжительную тишину, поднялся грузный мужчина лет шестидесяти – видимо, научный руководитель Толи.

– Коллеги, – сказал он, – предлагаю перенести вопросы на следующий раз, потому что Анатолий Андреевич, кажется, переутомился!

Присутствующие согласно закивали и начали подниматься, а Толик все еще стоял около проектора, застыв, как мраморное изваяние. На его лице отсутствовало всякое выражение – я даже испугалась. Когда помещение опустело, грузный мужчина с неожиданной легкостью подлетел к кафедре.

– Ты что творишь, а?! – зашипел он, не замечая, что один человек в аудитории еще остался. – Так хорошо начал... Что с тобой, черт подери, Анатолий?!

Тот медленно повернул голову на звук – так слепой ищет источник раздражения, не имея возможности его видеть.

– Про... стите, Илья Борисович... – с трудом разжимая зубы, проговорил он. – Я... не знаю, что слу... чилось...

– Не знает он! – прорычал Илья Борисович. – Как будто ты не в курсе, каких трудов мне стоило протащить тебя через ученый совет – ну не хотели тебя пропускать, молодого «высочку»... Плевать, что у тебя операций больше, чем у некоторых членов этого самого ученого совета, плевать, что мозгов... А, что говорить!

В сердцах махнув рукой, мужчина покинул аудиторию. Толик медленно вышел из-за кафедры и, дойдя до первого ряда амфитеатра, рухнул на сиденье, уронив голову на руки. Я решила, что настало время действовать.

– На чем ты сидишь?

Он вздрогнул и поднял глаза. В них застыло удивление, смешанное с ужасом. Я отнесла это на счет того, что парень испытал острое чувство стыда за то, что я стала свидетелем его неудачи.

– Анна Демьяновна, что вы здесь делаете? – с трудом выдавил он из себя вопрос.

– Проблема не в том, что я здесь делаю, а в том, что произошло с *тобой*.

– Я... я не знаю...

– Неправда, – возразила я. – Повторяю вопрос: на чем сидишь?

– Я вас не понимаю...

– Да все ты понимаешь! – разозлилась я. – Надеюсь, ничего «тяжелого»? Амфетамины?

Он ничего не ответил, но я и так понимала, что не ошибаюсь: все признаки указывали на то, что он принимает какие-то психостимуляторы.

– Марина сказала, что ты почти не спишь и тем не менее работаешь как одержимый, – продолжала давить я. – Она...

– Вы встречались с моей сестрой?!

– Я же обещала помочь. Но если ты подсел на наркоту, моя задача становится практически невыполнимой, понимаешь? Я не вчера родилась, Толик, поэтому у меня предложение: вываливай на стол все, что у тебя есть прямо сейчас!

– Ничего нет... – заупрямился он.

– Ты спалишь себе мозги! – перебила я. – На стол, я сказала!

Он нехотя полез в задний карман брюк. Движения были замедленными, как и речь, и стало очевидно, что я пришла не зря.

– «Сиднокарб», – прочитала я надпись на этикетке. – Так и знала!

– Что вы знали? Думаете, я продержался бы без него?!

– Думаю, если бы ты умерил свою гордость и амбиции и обратился за помощью, то еще как продержался бы! Знаешь, чего больше всего боится Марина? Потерять тебя, и я ее понимаю: если это, не дай бог, произойдет, девочка останется совсем одна, а в ее положении это равносильно смерти!

– Да я же для нее стараюсь!

– Черта с два! Амфетамины сначала оказывают положительный стимулирующий эффект, а потом наступает реверсивное состояние – и это не говоря о выработке зависимости. Ты, дружок, наркоман, и я искренне надеюсь, что нам удастся справиться с этим, минуя лечебное учреждение! Кто выписывает тебе рецепты?

– Имя вам ни о чем не скажет.

– Этому человеку, которого ты, несомненно, считаешь своим лучшим другом, в медицине делать нечего! И как давно ты подсел?

– Несколько недель...

– Врешь, – вздохнула я. – Больше двух месяцев?

Не сразу, но он кивнул. Удивительно, как Толе удалось продержаться так долго без последствий!

– А о пациентах своих маленьких ты подумал? – спросила я сердито. – Ты же хирург, по живому режешь – а ну как тебя шандарахнет посреди операции?

– Если бы я почувствовал, что не могу оперировать...

– Ну, милый мой, ты рассуждаешь, как любой наркоман! – снова перебила я. – Ничего ты не способен заметить в таком состоянии и запросто зарежешь человека, даже не поняв, что делаешь!

Я видела, что мои слова наконец начали доходить до Анатолия, и боялась остановиться.

– Травишь себя амфетаминами, – говорила я, – а ну как придется почку Марине отдавать?

– Не придется.

– В смысле? Рано или поздно... Да, сейчас за операцию никто не взялся бы, но...

– Мы не совместимы, – оборвал меня Толя. – Когда выяснилось, что у Марины развилась почечная недостаточность, я сделал все необходимые анализы: моя почка ей не подойдет.

– Как такое может быть, вы же брат и сестра?

– Только по матери.

А вот этого я не знала! Мне стало стыдно. Казалось, я в курсе того, чем живут мои студенты – особенно те, в чьей судьбе я принимаю живое участие. Теперь вот выясняется, что о Толе я знаю даже меньше, чем считала минуту назад.

– После смерти отца у мамы долго никого не было, – продолжал он. – Потом появился мужчина, но она держала его подальше от дома. Как выяснилось, не зря: едва она забеременела, он свалил в неизвестном направлении.

– То есть искать его на предмет совместимости с Мариной бесполезно? – уточнила я.

– Я пробовал – он как сквозь землю... Сами видите, наши шансы не просто нулевые – они в минусе!

– Прекрати! – воскликнула я. – Я нашла Марине хорошего врача. Конечно, с пересадкой почки она не поможет, но вполне возможно, если получится добиться устойчивой ремиссии, нам удастся поставить ее на очередь.

– Это если Марина протянет достаточно долго, – криво усмехнулся Толя.

– Никто не может знать, кто сколько протянет: вот, к примеру, ты легко можешь пойти вперед сестры, если не прекратишь баловаться «Сиднокарбом». Кстати, где у тебя запас?

– Что?

– Не делай большие глаза – они у тебя и так на блюдца похожи: где то, что ты припас на случай обнаружения этого? – И я потрясла блистером.

– У меня нет... с собой.

Вытащив телефон, я набрала Марину. Она удивилась, услышав в трубке мой голос.

– Ты дома? – спросила я.

– А где еще я могу быть? – грустно ответила она вопросом на вопрос.

– Где вы с братом храните медикаменты?

– В ванной, в шкафчике...

– Иди сейчас туда и найди среди таблеток «Сиднокарб», хорошо?

– Хорошо...

– Что вы собираетесь делать? – насторожился Толя.

– Нашла? – не обращая на него внимания, спросила я.

– Да, две пачки.

– А теперь будь умницей и спусти все в унитаз.

– Да вы с ума сошли! – вскакивая, воскликнул Толя.

– В унитаз?! – переспросила Марина.

– Именно, дорогая! Поверь, ты оказываешь брату услугу. Сделаешь это для него?

– Да, конечно...

– Вот и умница!

Повесив трубку, я посмотрела на Анатолия. Он снова упал на стул и прикрыл глаза, поняв, что спорить со мной бесполезно.

– Едем ко мне, – сказала я.

– Зачем? – бесцветным голосом поинтересовался он.

– Чтобы я могла за тобой следить и чтобы ты прямо отсюда не направился к своему «доброму» психиатру за рецептом.

– Вы меня за ребенка принимаете, да?

– Да ты и есть ребенок, – усмехнулась я. – По крайней мере, для меня: скоро мне стукнет пятьдесят пять, а тебе нет еще и тридцати. Так что, дружок, поднимай свой тощий зад и двигай за мной!

– А Марина? Она же не сможет одна... – пробовал возразить Толик.

– Она и так целыми днями одна: только на диализе и видите, – парировала я. – Ничего, переживет денек, а в клинику ее Влад может возить, или я, или Даша... В любом случае, послезавтра мы твою сестрицу кладем в онкоцентр, и проблема решится сама собой.

* * *

– Кто были те люди, которые подняли хай в больнице Влада?

Мы ужинали на кухне, и я решила, что пора задать этот вопрос.

– Вам донесли? – нахмурился Толя, откладывая ложку, которой до этого вяло ковырялся в тарелке.

– А ты думал, мой сын умолчит об этом факте? – пожала я плечами. – Так кто они?

Толик тяжело вздохнул.

– Вечером того дня, когда вы ко мне приходили, заявился Илья Митрохин... Да вы же не знаете, кто это!

– Председатель совета директоров «Фармаконии»?

– Откуда?..

– От Насти. Я была у нее в гостях, и она не только все мне рассказала о ваших делах, но и продемонстрировала наглядные материалы из Интернета.

– Ну, вы даете! – пробормотал он, беспомощно разводя руками. – Зачем вам все это надо? Дело неприятное, скорее всего, даже опасное...

– Вот именно поэтому, – перебила я, – я и не могу позволить тебе действовать в одиночку.

– Эти люди шутить не любят. Знаете, что на самом деле произошло в тот день, когда мы устроили стихийный митинг перед зданием «Фармаконии»?

– Расскажи мне.

– Охранники испугались, что мы привлечем внимание: кто-то из толпы, по-видимому, позвонил на телевидение, и подъехала машина с кабельного канала.

– Почему представители «Фармаконии» не вызвали полицию? Ваш митинг не был санкционирован.

– Это был, скорее, флэшмоб, а не митинг, – отмахнулся Толя.

– Флэш... что?

– Неважно. Но дело не в этом. Я считаю, что охрана испугалась обращаться в полицию и телевидения опасалась, ведь им не нужна огласка с «Голудролом»! Побочный эффект в виде развития хронической почечной недостаточности в инструкции не указан, но у семидесяти процентов пациентов он возникает, причем сразу в тяжелой форме. Наше сообщество растет с каждым днем, и создается впечатление, что на «побочный» эффект ситуация уже не тянет.

– Ты имеешь в виду, что слишком много пострадавших?

– Вот именно! Вы же понимаете, побочные эффекты возникают редко, но их все равно обязаны вносить в инструкцию. Однако, похоже, почечная недостаточность обнаруживается не просто у каждого второго, но чуть ли не у всех! Это означает, что препарат вообще не должен был появляться на рынке!

– Ты прав, – согласилась я, – но что все-таки случилось после того, как охрана вами заинтересовалась? И как ты рискнул пойти с этими мужиками – я видела их на ролике, они же на троглодитов похожи!

– Они сказали, что меня просит подняться Митрохин. От такой возможности нельзя было отказываться: я давно пытался с ним встретиться, но у меня не получилось!

– Встретился?

– Ага, как же! Они отвели меня в подсобку, а там отметили как следует. Потом выкинули на задний двор, а там одни склады и люди появляются редко. Повезло, что дворник вышел и, увидев меня, вызвал «Скорую», а то ведь холодно в тот день было – мог бы замерзнуть, к чертовой матери!

– Да уж, повезло... Митрохин-то гад, оказывается!

– Вот тут я не так уверен, Анна Демьяновна. Илья Митрохин сам ко мне пришел, в больницу. Извинялся за случившееся, сказал, что охранники, которые меня били, уволены и что если я захочу подать на них в суд, он не станет чинить препятствий. Но он все же попросил, чтобы я этого не делал, и обещал оплатить лечение, если понадобится что-нибудь сверх страховой сметы.

– Видать, ему действительно не хочется огласки! О чем еще вы говорили?

– Я рассказал ему все о «Голудроле» и о том, сколько людей на самом деле пострадало от препарата.

– Полагаешь, Митрохин этого не знал?

– Во всяком случае, выглядел он потрясенным. Хотя, может, он хороший актер?

– Он что-нибудь сказал?

– Сказал, что должен во всем разобраться. Попросил предоставить документы и заявления людей. Митрохин говорит, что сделает все возможное, чтобы отозвать «Голудрол», но не все, дескать, зависит от него, ведь он – председатель совета директоров, а не единоличный владелец фирмы!

– Хорошо уже то, что он хоть что-то пообещал, – задумчиво проговорила я. – Но Влад сказал, что в палате кулаками махали, а вы, оказывается, цивилизованно поболтали?

– Так кулаками махали, – закивал Толик. – Когда митрохинская мамаша нагрянула с телохранителями. Не знаю, зачем они ей – не жена же президента, в конце концов!

– Может, она опасается пострадавших от продукции фирмы?

– Или просто понты кидает.

– А чего орала?

– Видимо, Митрохин не сказал ей, что ко мне собирается. Она стала отчитывать его, говорить, что адвокат посоветовал ни в коем случае со мной не встречаться, что кучка крикунов не может подорвать престиж «Фармаконии» и так далее.

– А Митрохин что?

– Разозлился. Наверное, не хотел позволить матери руководить собой, ведь всем известно, что именно он ведет дела, а она всего лишь владелица пакета акций. Это все он ей и высказал, не стесняясь в выражениях. Она в слезах вылетела из палаты, но напоследок наговорила прибежавшим на шум врачам гадостей.

– Значит, у матери с сыном не такие уж доверительные отношения?

– Выходит, так. Кажется, Илья старается держать ее подальше от бизнеса, а мамашу этот факт возмущает.

– Разумеется, ведь он – ее сын, ее собственность, а все, что принадлежит ее собственности, автоматически должно принадлежать ей.

Толя выпучил на меня глаза.

– Вы, что, действительно так считаете?!

– Разумеется, нет, но она, по-видимому, да. Что ж, она – мать, и этим все сказано.

– Митрохин – взрослый человек!

– Для матери возраст значения не имеет: уж поверь, я знаю, о чем говорю. Кстати, ты уверен, что все это не было фарсом?

– То есть?

– Сам посуди, ты месяц не мог встретиться с Митрохиным – и вот он сам прибегает, причем не ставя в известность никого из своих приближенных. Что, если все происшедшее – отлично разыгранная сцена?

– С какой целью?

– Усыпить твою бдительность, потянуть время, заработать еще десяток миллионов на «Голудроле»... Такое возможно?

Толя медленно кивнул.

– Я не знал, что и подумать, увидев Митрохина в палате, – пробормотал он. – Такие, как он, сами никуда не ходят – они присылают адвокатов или помощников, не опускаясь до уровня простых смертных! А тут – сразу двое Митрохиных на меня одного...

– Ма, я дома!

Дашка вернулась. Как обычно, она ворвалась на кухню подобно цунами и застыла при виде гостя.

– Даша, ты помнишь Толика Кречета? – спросила я, зная, что если она и забыла, то разговор с братом непременно освежил память.

– Привет, – сказала дочь, разглядывая синяки на лице парня. – Не ожидала, что ты так быстро оклемаешься, – Влад говорил, тебе здорово досталось!

– Молодость берет свое, – ответила я за него. – В мои годы процесс выздоровления шел бы куда медленнее!

– Ма, опять ты про возраст? – застонала Дарья.

– Кстати, Толик останется на ночь, – добавила я, поймав ее удивленный взгляд. Однако к чести дочери надо сказать, она не попыталась задавать вопросы при госте.

Я посвятила ее в ситуацию, отправив его спать.

– Ну, ма, ты даешь! – воскликнула она. Сколько раз за последнее время я слышала этот возглас от разных людей? – Мало тебе своей работы, так ты еще и адвокатом заделалась?

– Не так уж много у меня работы.

– Запомни, ма, адвокат в семье – я, и тебе с самого начала следовало обратиться ко мне!

– Ты, доча, нам не по карману, – покачала я головой. – Кроме того, твоя специализация – уголовщина, а у нас пока, слава богу, до этого не дошло.

– Дойдет! – убежденно заявила Дарья. – Разве Толя не собирается подавать в суд за избивание?

– У него сейчас других дел по горло.

– Ну да – спускайте этим неандертальцам побои, ждите, пока убьют! – уперев руки в бока, фыркнула она. – А потом ищем справедливости, а ведь можно было решить дело без смертоубийства.

– Хорошо, что ты предлагаешь?

– Во-первых, подать заявление на охранников «Фармаконии». Во-вторых, я могу от лица пострадавших встретиться с Митрохиным и попробовать договориться о компенсации – в их положении эти деньги не будут лишними.

– Зачем тебе это надо, Дашутка? – спросила я. – Не твое же поле деятельности?

Зная дочь, я догадывалась, что у нее имеются причины делать такое щедрое предложение, но мне хотелось знать их, прежде чем подписывать на это Толю и его друзей.

Откинув длинные серебристые волосы за спину движением, достойным Шэрон Стоун в «Основном инстинкте», она ответила:

– Ну, мам, дело обещает быть громким, понимаешь? Все станут о нем говорить, возможно, по телику покажут репортаж... Адвокату нужен пиар!

– Разве тебе его не хватает?

– Одно дело – отмазывать от тюрьмы уголовников и подпольных авторитетов, и совсем другое – выступить на стороне справедливости!

– Какая же ты корыстная, дочка! – в ужасе выкатила я глаза.

– Все это, – она картинным жестом обвела гостиную, где мы сидели, – приобретено на эту самую «корысть», не забывай! Кроме того, какая разница, если вопрос будет решен и пострадавшие получат, что причитается? Разве плохо, если и адвокату достанется немножечко хорошего пиара? Заметь, если мы проиграем, я не возьму ни копейки. Но мы выиграем!

* * *

Признаюсь, я побаивалась, что моя «воспитательная работа» с Толей не возымеет должного действия и он вернется к употреблению психостимуляторов. С другой стороны, не могла же я держать его под домашним арестом вечно – в конце концов, он взрослый человек, ему нужно ходить на работу, заботиться о сестре и заниматься другими делами, являющимися неотъемлемой частью его жизни. Поэтому, прочитав ему нотацию напоследок, я с тяжелым сердцем выпустила бывшего студента из квартиры, после чего отправилась к Марине. Девушка в точности выполнила мои предписания и уничтожила «Сиднокарб», но я еще раз перешерстила баночки и коробочки в ванной и, сочтя некоторые «неблагонадежными», избавилась и от них. Затем я помогла Марине собраться, и мы поехали в клинику.

– Что ж, – сказала Оля, закончив, – будем пробовать варианты. У меня есть кое-какие наметки, а остальное нарисуеться позже, когда начнем лечение. Нужно еще продумать, как совместить твой диализ с новыми препаратами.

– Вы думаете, это имеет смысл? – робко спросила Марина.

– Все в этом мире имеет смысл, – улыбнулась Оля. – Могу обещать одно: ты будешь чувствовать себя лучше, а это значит, что твое качество жизни повысится.

– Уже кое-что, – вздохнула девушка. – В онкологическом диспансере и этого не обещали!

– Вот и хорошо, – поднимаясь, сказала Оля. – Сейчас тебя проводят в палату. Тебе повезло – там всего два человека лежат, примерно твоего возраста, так что найдете общий язык.

Оставив Марину в клинике, я поехала в университет, где прочитала две лекции. Собираясь домой, получила сообщение от Дарьи с предложением вместе пообедать. Я действительно проголодалась, но «обед» с дочурой означал непременно дорогой ресторан, а я не была одета для выхода «в свет».

– Ерунда, мам! – отмела все возражения Даша. – На твоей фигуре любая тряпка хорошо сидит. Да мы ведь не вечером идем – значит, парадная форма одежды не требуется! Жду тебя у входа в твою богадельню.

«Богадельней» она почему-то называет медицинский университет. Мне кажется, Даша считает, что разочаровала меня глубоким отвращением к медицине, проявившемся у нее с младых ногтей. Наверное, в семье медиков она ощущала себя инопланетянкой. Гены – вещь упрямая: папаша Дарьи работает в правоохранительной системе, вот ее, видать, и потянуло в юриспруденцию. Слава богу, она не стала ни следователем, ни прокурором, а избрала для себя хоть и нелегкую, но все же гораздо более прибыльную и относительно безопасную стезю адвоката. Другая бы на ее месте прозябала общественным защитником, перебиваясь с хлеба на квас, но надо знать мою дочь: она похожа на танк, идя к своей цели. К тридцати годам у нее есть все, о чем можно мечтать, – роскошная квартира, машина, возможность одеваться в дорогих бутиках. Все, кроме личной жизни. И дело не в занятости, хотя, конечно, большую часть времени Даше приходится посвящать работе. Проблема в ее характере: большинство мужчин мирных профессий с опаской относятся к бронетехнике, пусть и в красивой оболочке. Они быстро понимают, с кем имеют дело, и предпочитают укрыться в окопе, чтобы не попасть под обстрел. Из всех своих детей больше всего я переживаю за нее, но никогда не говорю об

этом, иначе рискую сама оказаться под «гусеницами». Может, она и пошла в меня внешностью, но характер у Дашутки, несомненно, папин!

Как я и опасалась, заведение общепита, куда притащила меня дочка, оказалось одним из тех, куда вечером не пускают без галстука и вечернего платья. Я, в своей дешевой кожанке, одетой поверх черной водолазки, и линялых джинсах, чувствовала себя неуютно, но Даша с хозяйским видом продефилировала мимо швейцара, и я засеменила за ней, виновато улыбнувшись парню в униформе с каменным выражением на лице. Ненавижу чувствовать себя бедной родственницей, поэтому предпочитаю «Макдоналдс» и иже с ним, где любой человек – желанный гость, один из многих в пестрой, разношерстной толпе безликих клиентов. Здесь же каждый посетитель на вес золота, и его внешний облик должен соответствовать обстановке. Кстати сказать, она была спартанской, но – мой плебейский глаз видел это – дорогой. «Скромная» дороговизна, которая отличает самые роскошные рестораны: неброская, но ощутимая в каждом предмете на столиках, в каждой ручке двери, в приглушенных цветах и потрясающем виде на Невский проспект. Мы разделись в гардеробе. Костюмчик Дарьи, стоявший, по моим прикидкам, как автомобиль отечественного производства, сидел на ней как влитой, и я видела, какими взглядами провожали ее выстроившиеся в ряд официанты, несильно занятые в этот неурочный час. Она же, не глядя по сторонам, устремилась к дальнему столику во втором ярусе.

– Здесь нас не побеспокоят, – пояснила она, усаживаясь. – Да расслабься ты, ма, – я тут частая гостья, а ты – со мной!

– Ну да! – усмехнулась я. – Так о чем ты хотела поговорить, что не может ждать до вечера?

– Погоди, сначала закажем... Если не возражаешь, я сама, да?

Дочь темнила, и меня это встревожило. Когда официант удалился, приняв заказ, она возобновила разговор:

– А Толик изменился! И где тот худой, заморенный студент, который приходил к нам домой?

– Да, он вырос, – согласилась я.

– Он стал мужчиной.

Вот оно. Ну, нет, дорогуша, Толика ты не получишь! Пусть ты моя плоть и кровь, но я слишком хорошо тебя знаю, чтобы отдать на растерзание человеку, в жизни которого и так проблем хватает.

– Дашуль, ты о чем сейчас? – осторожно спросила я.

– Как будто ты не понимаешь, ма! – передернула плечиками дочка. – Толик симпатяга, верно? Никто бы не отказался.

– Забудь, – сухо обронила я.

– То есть? – распахнула она глаза.

– Ты все отлично понимаешь. Не трогай Анатолия, Даш, у него сестра тяжело больна, дел по горло и... У него, между прочим, девушка есть!

Я не была уверена в том, что Толю и Настю связывают серьезные отношения, но надеялась, это известие охладит дочь. Правда, я не учла того факта, что трудности лишь распаляют ее. Так было всегда: чем труднее казалось дело, тем с большим удовольствием Дашка кидалась в бой и горы сворачивала для достижения цели.

– Девушка? – всколыхнулась она заинтересованно. – Настя, что ли?

– Ты знаешь Настю?!

– Да я уже всех знаю, кто входит в «отряд Толика»... Тимур и его команда, честное слово! Между прочим, Настя вряд ли интересуется его как женщина: она слишком похожа на «синий чулок».

– И ничего не похожа! – вступилась я за девушку. – Она милая, у нее есть принципы...

– Ну и где бы они все были со своими принципами, если бы за дело не взялся профессионал? – перебила Дашка.

– Что значит – «взялся профессионал»? – переспросила я. – Не торопишься ли ты, милая? Может, эти люди не хотят твоего участия? Сначала надо поговорить с ними, с Толиком...

– Ох, мам, ну какая же ты занудная порой! – снова прервала дочь. – Что значит – не хотят? Только идиот откажется от участия такого специалиста, как я!

Самомнения моей деточке не занимать. С другой стороны, она ведь права: я не раз испытывала гордость, узнавая, что за Дашу бьются, желая заполучить ее в качестве адвоката.

– Я встречалась с людьми, которые могут помочь нам в этом деле, – продолжала она, не обращая внимания на мою растерянность. – Во-первых, с лечащим врачом Марины.

– Когда ты успела?

– Кто рано встает... Короче, мы поболтали о «Голудроле». Он признал, что поначалу лекарство действовало, причем прямо-таки волшебным образом: за несколько недель метастазы исчезали, представляешь? А потом отрубались почки.

– Быстро?

– Да – странно, правда?

– Обычно для развития болезни требуется время.

– То-то и оно: доктор говорит, что ничто, как говорится, не предвещало! Ты в курсе, что «Голудрол» на рынке всего полгода?

– Нет...

– А я вот выяснила, что «Фармакония» выиграла тендер на госзакупки.

– Это означает, что «Голудрол» поставляется во все государственные онкологические лечебные учреждения Питера?

– Точно! А еще данный факт означает, мам, что пострадавших гораздо больше, чем мы предполагали, и это нам на руку.

Цинизм Даши меня покорила.

– Но почему врачи молчат? – спросила я. – Они же видят, какой «побочный эффект» возникает при употреблении «Голудрола»?

– Как будто ты не знаешь, как у нас обстоят дела! – всплеснула руками дочь.

Возникший у столика официант напомнил нам о том, что первоначальной нашей целью все-таки был обед. Тарелки, водруженные на стол, были наполнены до краев, и я подумала, что мы вполне могли бы пригласить еще пять-шесть человек из голодающих стран третьего мира, чтобы осилить такое обилие пищи. А еще говорят, в дорогих ресторанах микроскопические порции! Когда парень отошел, через плечо оглядываясь на Дашу, она продолжила:

– Врачи боятся начальства, которое, в свою очередь, получает откаты от производителей препаратов, а потому не заинтересовано в их дискредитации. Кроме того, любая такая попытка связана с документами и волокитой, поэтому ситуация может растянуться на долгое время, а денежки по-прежнему будут капать в карманы тех, кто торгует «Голудролом».

– И что же делать – ждать, пока больницы города заполнят люди, теряющие почки в результате такого «лечения»?

– Вот поэтому я связалась с одним приятелем с телевидения... Ты его знаешь, Мишка Алтухов. Он обещал дать материалчик в вечерних новостях.

– Погоди, – вспомнила я, – Толик говорил, что телевидение уже приезжало снимать стихийный митинг, когда его избили.

– Так то ж был всего лишь кабельный канал! Кстати, репортаж так и не вышел – я проверила.

– И все-таки мне кажется, что ты торопишься, Дашутка, – вздохнула я. – Толя и Илья Митрохин вроде бы договорились решить вопрос полюбовно...

– Мама, неужели ты и в самом деле в это веришь?! – воскликнула дочь, не дослушав. – Думаешь, в его интересах что-то «решать»? Он будет тянуть время, рассказывать о трудностях и препонах... Между прочим, не удивлюсь, если сюжет о митинге убрали благодаря вмешательству Митрохина, – после обеда съезжу на студию и выясню, что случилось. Младший Митрохин не так прост, как ты думаешь. Ты всерьез полагаешь, что такой человек станет ломать копыя, пытаясь вновь похоронить фирму, которую с таким трудом буквально вытащил из выгребной ямы?

– Тебе не кажется, что ты выдаешь предположения за факты?

– И все-таки мне кажется, он притворяется, пытаясь усыпить бдительность Толика, – прямо покачала головой Даша.

Мне и самой такое приходило в голову, и я даже поделилась своими соображениями с Анатолием, однако огульно обвинять человека не стоило.

– Знаешь, что самое смешное, ма? – вдруг спросила дочь, вытирая рот салфеткой с логотипом заведения.

– Что?

– «Голудрол» действительно помогает от острого лейкоза! Если бы не резко развивающаяся на фоне его приема почечная недостаточность, можно было бы сказать, что найдена панацея!

* * *

– Так кого ты хочешь пригласить?

Голос Оксаны, устремившей на меня взгляд из-под очков в позолоченной оправе, звучал мягко, но требовательно. Из всех моих детей средняя дочь считалась самой «некрасивой». Вернее, она сама так считала и, возможно, по этой причине избрала для себя «красивую» профессию пластического хирурга. Лично я не вижу в Оксаниной внешности никаких существенных недостатков. К примеру, у нее потрясающие, выразительные голубые глаза. Да, она немного высоковата для женщины, и фигура у нее скорее спортивная, нежели женственная, но умело подобранная одежда (а дочь моя отличается хорошим вкусом) подчеркивает ее достоинства, скрадывая угловатость. Волосы неопределенного цвета она красит, становясь платиновой блондинкой, – думаю, ей не повредил бы макияж поярче, и только. И, может, еще немного больше уверенности в собственной привлекательности, которую поколебал отвратительный развод.

Я не ожидала, что, несмотря на мое откровенно высказанное нежелание праздновать юбилей, дочь явится во всеоружии – с кучей конвертов, пригласительных открыток и списком компаний, занимающихся устройством праздников. Спасибо, хотя бы решила поинтересоваться моим мнением в отношении гостей!

– Диктуй, мам, – снова заговорила Оксана, не дождавшись моего ответа. – Веру Сергеевну будем звать? Наверное, надо, ведь она самая близкая соседка...

– Как считаешь, – перебила я, – сможешь сделать мне подтяжку?

– Что-о?

Глаза дочери стали похожи на чайные блюдца.

– Подтяжку лица, – пояснила я. – Вот тут, – я оттянула кожу на подбородке.

– Ты о чем, мама, – какая подтяжка?! Да я старше тебя выгляжу!

– Не говори глупостей! – рассердилась я. – Вы мне все уши прожужжали с этим чертовым юбилеем, но никто не подумал о том, как тяжело женщине принимать свой возраст! Я не праздника жду, Оксана, а того, что стану бабушкой, понимаешь?!

– Но... ты и так бабушка – у тебя же внуки!

– Ты отлично понимаешь, о чем я.

Отвернувшись к телевизору, на экране которого мелькали титры только что закончившейся юмористической передачи, я показывала, что не желаю продолжения разговора.

Оксана положила пригласительные открытки на стол и встала. Подойдя к креслу, где сидела я, она опустила на широкий подлокотник и обняла меня за плечи.

– Мапочка, ну что за глупости лезут тебе в голову? Конечно, когда это действительно потребуется, я сделаю тебе операцию! Поверь мне, как специалисту: на данный момент тебе не нужны никакие подтяжки и проблему можно решить при помощи косметических средств. Есть процедуры...

– погоди! – остановила я дочку, хватая пульт и увеличивая громкость. – Что за черт...

Начались новости, и меня привлекли титры, которые вкратце излагали то, о чем говорила ведущая: «Срочная новость: убит председатель совета директоров фармацевтической фирмы «Фармакония» Илья Митрохин!

– ...Источники, близкие к органам следствия, утверждают, – продолжала она уже громче, – что Митрохина застрелили в его офисе. Что он делал там в поздний час, пока остается загадкой. Возникает удивительная параллель с недавней гибелью Митрохина-старшего...»

Я уже не слушала.

– Мам, ты в порядке? – встревоженно спросила Оксана.

– Мне срочно нужно позвонить!

* * *

Не дозвонившись до Анатолия, я связалась с Мариной. Ее голос в трубке звучал взволнованно, и я даже подумала, что девушке уже известна страшная новость. Но я ошиблась.

– У... бит? – переспросила она с запинкой. – И... кто его?

– Насколько я понимаю, пока неизвестно, – вдохнула я. – По телевизору сказали, тело обнаружили утром.

– А-а... Толя знает?

– Телефон не отвечает. Мне сейчас надо кое-куда съездить, а ты, пожалуйста, дозвонись до него и сообщи, что случилось.

– Обязательно, Анна Демьяновна.

– Мариша, у тебя все в порядке?

– Да. Почему вы спрашиваете?

– Просто у тебя голос какой-то странный.

– Нет-нет, все в порядке, – заверила меня Марина.

Все это время Оксана сидела на подлокотнике кресла, покинутого мной, и беспомощно наблюдала, как я с телефонной трубкой мечусь взад-вперед по комнате.

– Ма, что происходит? – спросила она, когда я дала отбой. – Что ты так всполошилась? Кто такой этот Митрохин?

– Ой, дочь, долго рассказывать! – отмахнулась я. – Мне срочно нужно...

На этот раз зазвонил мой телефон.

– Мама, ты слышала?! – завопила Дашка прямо мне в ухо. – Митрохин убит!

– Слышала, слышала, – отстраняя сотовый подальше из боязни оглохнуть, ответила я. – Только что по телику передали.

– Где Толя? Надо ему сообщить. Дело в том, что я вчера встречалась с Митрохиным...

– Как тебе, интересно, это удалось? – перебила я изумленно.

– Ходы надо знать, – нетерпеливо ответила она. – Я побывала на телевидении... В общем, Митрохин отрицал, что звонил им с требованием не пускать сюжет о митинге в эфир, но там подтвердили, что звонок был, причем звонивший в выражениях не стеснялся и угрожал судом и другими инстанциями, включая те, что «разбираются» с обидчиками без участия правоохрани-

нительных органов. А еще Митрохин сказал, что уладить дело с «Голудролом» миром, скорее всего, не получится.

– Почему?

– Митрохин утверждал, что вынес вопрос на совет директоров, и почти все проголосовали за то, чтобы не снимать препарат с производства до тех пор, пока не получат официальный запрет на его выпуск.

– А они понимают, что обрекают на мучительную смерть сотни людей?

– Думаю, всё они понимают, мам, но погоня за длинным рублем, или долларом, или евро сгубила не сотни, а миллионы людей по всему миру! По словам Митрохина, совет директоров решил, что доказательств со слов пострадавших недостаточно, а значит, «Голудрол» еще может принести огромную прибыль.

– Даш, ты все время говоришь «Митрохин утверждал», «по словам Митрохина» – ты, что, ему не веришь?

– Да как тебе сказать... Дельцы, они похожи на айсберги – на поверхности только верхушка, а все существо находится глубоко под водой. По-моему, Илья Митрохин не слишком отличался от остальных. Правда, он выразил согласие встретиться с пострадавшими и, главное, с Анатолием и просил меня договориться о встрече.

– Договорилась?

– Толик пришел в бешенство, когда узнал об отказе совета директоров и бросил трубку. Мне так и не удалось назначить встречу, он отключил телефон – видимо, хотел побыть один. Я подумала, что ему просто нужно прийти в себя, но что мне удастся убедить его встретиться с Митрохиным в неформальной обстановке и все обсудить... А тем временем кто-то его грохнул!

* * *

Весь вечер я просидела дома, переключая каналы: убийство Ильи Митрохина было новостью номер один, и каждые полчаса поступали все новые подробности. Среди причин трагедии называлось несколько, в том числе и ревность – оказывается, Митрохин недавно порвал с женщиной, с которой встречался последние три года, и считалось, что все идет к свадьбе. Кроме того, у председателя совета директоров «Фармаконии» было немало врагов среди конкурентов. Называлось также имя преступного авторитета, которого в свое время связывали с самоубийством Митрохина-старшего: вроде бы именно он подвел последнего, уговорив принять участие в сомнительных сделках, которые в результате оказались катастрофически убыточными, и бизнесмен, не справившись с ситуацией, шагнул из окна собственного офиса.

Даша не появлялась до половины первого ночи, а ее телефон не отвечал. Я уже намеревалась сесть в машину и отправиться к ней в контору, когда Бони наострил уши и вскочил: в замке поворачивался ключ. Мы с псом одновременно кинулись в прихожую. Ввалившаяся в квартиру Дашка выглядела так, словно выдержала бой с профессиональным боксером, причем никак не меньше пяти раундов: прическа растрепалась, помада размазана, как будто она утирала рот рукавом.

– На тебя напали?! – в ужасе бросилась я к дочери.

– Мам, успокойся, – устало отмахнулась она. – Никто на меня не нападал, это я в КПЗ пыталась прорваться.

– Кто-то из твоих клиентов?

– Нет, мам, из твоих!

– То есть?

– Толика задержали.

– Како... Погоди, Толика Кречета? За что?!

– По подозрению в убийстве Ильи Митрохина.

Пока я, широко открыв глаза, пялилась на нее, Даша разделась и направилась в ванную. Бони, не понимающий, почему в этот раз ему не досталось даже дружеского почесывания за ухом, озадаченно поднял на меня морду. Но тут я ему помочь не могла – сама чувствовала себя потрясенной.

Дочь плескалась под душем минут десять, и все это время я изнывала от ожидания. Наконец она выбралась наружу, в облаке пара, закутанная в огромное махровое полотенце, волочащееся по полу. Выглядела Дашутка лучше, и я решила, что настало время для объяснений. Она и сама буквально пузырилась от переполнявшей ее информации. Подвинув пуфик к дивану, на котором я сидела, она вручила мне щетку для волос и сказала:

– Чеши, пока рассказываю!

С самого Дашкиного детства ритуал с расчесыванием повторялся по два раза в неделю: будучи обладательницами длинных и густых волос, мы не могли справиться с ними самостоятельно, а потому помогали друг другу по мере сил. Механическая работа и плавные движения успокаивали.

– Его взяли прямо у выхода из операционной, – начала дочь. – Представляешь – четырехчасовая операция у трехлетнего пацаненка, а по ее окончании тебя ласково «принимают» менты!

– С чего они взяли, что Толя причастен к убийству? – удивленно спросила я. – Да он мухи не обидит!

– А кому это интересно? – мотнула головой Даша и взвизгнула, так как длинная прядь запуталась, и я едва не вырвала ее из-за неожиданного движения дочери. – Его физиономия на «Ю-тубе» во время митинга в полный рост – думаешь, им нужны другие доказательства?

– Так ведь это же Толика избили охранники, а не наоборот!

– Вот именно, и он решил отомстить.

– Митрохину, а не тем, кто бил?

– Логика, конечно, хромает, – согласилась Дарья. – Но следак накопал, что Митрохин приходил к Толяну в больницу и что там был скандал.

– Учиненный, насколько я понимаю, мамашей покойного?

– Это неважно: все, что не вписывается в простейшую схему следствия, отбрасывается за ненадобностью – не впервой! И как в таких условиях, спрашивается, работать? Меня к нему даже не пустили, как я ни трясла адвокатским удостоверением! К счастью, хоть со следователем поговорить удалось, но он не много сказал – только то, что знает о конфликте митрохинской компании с пациентами, а также о том, что совет директоров не принял его предложение по замораживанию выпуска «Голудрола».

– А почему именно Толик? – задала я вопрос. – Пострадавших ведь много!

– Но только он *лично* общался с Митрохиным, только ему Илья давал обещание разобратся, охранники били именно его... И именно ему звонил убитый перед смертью.

– Митрохин... звонил Толику?!

– Я видела распечатку с его мобильного. Разговор длился не больше минуты. Следовательно предполагает, что после этого звонка Толя поехал к Митрохину и грохнул его.

– В «Фармаконии» ведь есть дежурный охранник: он, что, ничего не слышал? Выстрел должен был наделать много шума!

– Охранник смотрел повтор футбольного матча, «ящик» включил на полную громкость, поэтому и тело обнаружили только рано утром. Кроме того, в кабинете Митрохина отличная звукоизоляция.

– Но в Илью же стреляли, так? Откуда у Толика оружие?

– Оружия на квартире не нашли, но следователь считает, что Толик от него избавился, как от улики.

– А сам-то Толик что говорит?

– Понятия не имею – меня к нему не пустили! – злобно фыркнула Дарья. – Но следак говорит, что «и не таких раскалывал», так что не сомневайся: через пару суток в КПЗ Толя подпишет любое признание. Ты же понимаешь, что убита важная «шишка», и ее смерть просто так не оставят – нужно побыстрее рапортовать о «раскрытии» преступления!

– Значит, надо срочно что-то предпринять! – воскликнула я испуганно. – Господи, Марина ведь ничего не знает...

– И хорошо, – перебила дочь. – Пусть не знает как можно дольше. Я обо всем позабочусь, мам, ты же мне доверяешь?

Она повернулась ко мне лицом, и я увидела, что Даше прямо-таки необходим утвердительный ответ. Поэтому я, хоть и терзаемая сомнением, кивнула и сказала:

– Давай-ка я тебя покормлю – силы тебе понадобятся!

* * *

Я надеялась уйти пораньше, но, как назло, народу на приеме в больнице Академии наук оказалось видимо-невидимо. С тех пор, как я начала проводить там консультации раз в неделю, мне пришлось заново научиться *разговаривать*. Как космонавты после невесомости забывают, как ходить, хирурги теряют навыки беседы с пациентами, гораздо лучше управляясь с ними под наркозом. Слава богу, совсем уж с нуля осваивать эту науку мне не пришлось – в наше время в меде учили таким премудростям. Теперь дело другое: «необстрелянная» молодежь, только-только со студенческой скамьи, уже мнит себя корифеем и привыкла полностью полагаться на достижения современной техники. А я до сих пор помню лекции профессора Дервянко. «Правильный опрос пациента, – говаривал он, – дает для составления анамнеза больше информации, нежели анализы, рентген и УЗИ вместе взятые!» К сожалению, эти святые слова осели в головах только моего поколения.

Закончила я позже обычного, но это не повод менять планы: для вечерней беседы нужно было выглядеть потрясающе. Встречу со своей парикмахершей я пропустила, но в голове всплыл разговор с Дарьей, упоминавшей салон неподалеку от моей работы, где цены кусались, зато имелся какой-то невероятный мастер по имени Семен. Проверив кошелек, я решила, что могу себе позволить визит к «элитному» парикмахеру.

– Вы записаны? – заносчиво поинтересовалась холеная девица за стойкой.

Салон красоты не оставлял иллюзий насчет ценника: обилие зеркал, приглушенный свет, витрины с манекенами и кофе-машина в холле, уставленном кожаной мебелью, не говорили, а кричали о том, что простые смертные здесь не частые гости.

– Честно говоря, нет, – пробормотала я, сообразив, что такой «крутой» стилист, как Семен, вряд ли принимает без записи. – Что ж, я, пожалуй, пойду...

Выражение лица администраторши сказало мне, что это решение – самое правильное. Я уже шла к дверям, когда из зала вышел высокий, тощий, как щепка, парень. При ближайшем рассмотрении он оказался вовсе не «парнем», а мужчиной сильно за пятьдесят, но странная прическа с торчащими трехцветными вихрами и богемный стиль одежды создавали обманчивое впечатление.

– Ко мне есть кто, Ритуль? – поинтересовался он у администраторши.

– Никого, Сема, – бодро ответила та, игнорируя мое присутствие. Вот, значит, как: без записи мы не принимаем, а время-то незанятое имеется!

– А она к кому? – не слишком вежливо ткнул он в мою сторону узловатым пальцем, похожим на птичий коготок.

– Не знаю, – пожалла плечами девица, но лицо Семена внезапно изменилось. Подскочив ко мне, он спросил:

– Это *ваши* волосы?!

Голос его звучал истерично.

– Д-да, – пробормотала я, струхнув, и попятилась к двери.

– Можно?

Не дожидаясь ответа, он выдернул шпильку из моего «пучка» и с явным удовольствием наблюдал за тем, как волосы, раскручиваясь, словно змеинные кольца, рассыпались по спине и плечам.

– Кто вас красит? – требовательно спросил Семен, мусоля мою прядь в своих длинных, тонких пальцах.

– Моя... парикмахерша. А что?

– Неплохо, – пробормотал он. – Но и не хорошо... Так, говорите, ко мне?

Ничего подобного я не говорила, да и вообще сомневалась, что все еще хочу делать прическу у этого мастера – уж больно странно он выглядел, а вел себя еще эксцентричнее.

– И чего мы ждем? – капризно спросил Семен. – В кресло, быстро!

Не знаю, почему, но я повиновалась. Я даже не успела поймать свое отражение в зеркале, когда Семен отвернул меня от него лицом к себе.

– Корни отросли, – бормотал он. – Красить – срочно! Маша!

Он скакал вокруг, как кузнецик, и у меня зарябило в глазах – вот дернул же черт послушаться Дашку! Ну почему я не попыталась перенести сеанс у своей парикмахерши на более позднее время? Сидела бы сейчас спокойно, глядя, как она медленно и скрупулезно колдует над моей прической... А этот неадекватный Семен, что он со мной сделает – вдруг побреет наголо?

Как будто в ответ на мои самые худшие опасения в руках стилиста появились ножницы, переданные ему полной, низенькой девушкой – по-видимому, той самой Машей, которую он позвал. Минутой позже появились еще две девицы. Одна из них принялась смешивать краску, другая накрыла мои плечи накидкой. Все четверо почти не разговаривали, действуя слаженно, как кордебалет Мариинского театра. Я невольно почувствовала себя кинозвездой, возле которой суетится команда гримеров, и, незаметно для себя, расслабилась, предоставив судьбе решать свою участь. Мягкие, умелые движения Семена по моим волосам усыпляли. День выдался тяжелым, и я прикрыла глаза. Возможно, я бы даже заснула, но беспокойные мысли, одолевающие меня в связи с Толиком Кречетом, не позволяли полностью отдаться на волю волн. Не знаю, сколько прошло времени, но над ухом у меня раздался голос Семена:

– Смываем!

Тон был по-прежнему командирским и не допускающим возражений – судя по всему, этот человек привык к безоговорочному повиновению как своих помощников, так и клиентов. Не позволив мне даже бросить взгляд в зеркало, чтобы оценить цвет, Семен снова отвернул меня к себе и ловко поймал фен, брошенный Машей. Я опять закрыла глаза, не в силах наблюдать за бесконечным мельтешением.

– Готово! – возвестил Семен, крутанув кресло, и я распахнула глаза, встретившись взглядом с совершенно незнакомой дамой в зеркале. Я планировала покраску и обычную укладку, но то, что сделал парикмахер Даши, казалось невероятным. Волосы мои приобрели природный пепельный оттенок, какой имели в молодости и которого ни разу не удалось добиться тем, кто брался красить меня со времени появления первой седины. Семен уложил их высоко, и в большом круглом зеркале, услужливо поднесенном Машей сзади, я видела невероятные завитки на затылке, складывающиеся в причудливый узор.

– Ну?

Скрестив руки на груди, он смотрел на меня, ожидая реакции.

– Это... великолепно! – проговорила я, с трудом отрывая взгляд от собственного отражения. – Я даже не предполагала, что можно так...

– Могу я вас сфотографировать? – перебил Семен.

– Зачем? – забеспокоилась я.

– Надо, – лаконично ответил он. Маша подала ему фотоаппарат, и мужчина, настроив объектив, сделал с десяток снимков, после чего я получила соизволение идти расплачиваться. Как и предполагалось, цену назвали аховую, и я порадовалась, что по пути на работу сняла с карточки пять тысяч – думала, хватит на неделю! На этот раз администраторша лучилась дружелюбием и даже зачем-то попросила меня оставить ей номер мобильного, что я автоматически и сделала, не задаваясь вопросами.

Взглянув на часы, я поняла, что у меня в запасе совсем немного времени, чтобы подготовиться к приему гостя, для которого, собственно, все и затевалось. Дома, не обращая внимания на беснующегося от счастья Бони, я кинулась на кухню, вытаскивая из холодильника вчерашние заготовки – хорошо, что позаботилась об этом заранее, а то ни за что бы не успела! Расставив кастрюльки по конфоркам, я пошла переодеваться, выбрав длинное темно-серое платье. К счастью, я все еще в отличной форме и могу позволить себе носить обтягивающие трикотажные вещи – большая редкость в мои годы, и я этим горжусь. Нацепив скромную нитку жемчуга, я тронула губы бледно-розовой помадой и, отступив назад, с удовлетворением оглядела себя в зеркале с головы до ног. Я едва успела накрыть на стол, как раздался звонок: Сергей оказался точен, как всегда!

Распахнув дверь, я уперлась в красивый темно-синий костюм, туго натянутый на животе бывшего любовника. А ведь когда-то он был строен, как Аполлон, куда только все девалось? Впрочем, растеряв юношескую легкость, Сережа приобрел кое-что другое – стать и уверенность, связанную с высоким положением. Когда мы познакомились, он был скромным капитаном в правоохранительной системе, теперь же, став генералом ФСБ, носил все свои сто десять килограммов с достоинством, присущим званию и должности.

– Потрясно выглядишь! – выпалил он, рассматривая меня с явным удовольствием.

– Спасибо, – ответила я, зная, что так оно и есть.

– Это тебе!

Букет был таким огромным, что Сережа с трудом держал его на вытянутой руке. Желтые розы, на вскидку, штук тридцать пять – он всегда умел произвести впечатление. И в этот момент я заметила, что за спиной моего генерала маячит человек.

– Миша, занеси! – скомандовал Сергей, отступая в сторону. Юркий молодой мужчина в кожаной куртке буквально ввалился в прихожую, груженный пакетами и сумками.

– Здесь всякая всячина, – пояснил гость. – Копчености, салаты, пироги из «Штолле» и... Короче, что-то еще, я не помню.

– Не стоило, Сережа, – пробормотала я, ошеломленная подобной щедростью. – Я же наготовила!

– Ну, не пропадет – у тебя же дети, внуки, – пожал он плечами, протискиваясь мимо своего водителя на кухню. – Оставь все здесь и можешь быть свободен до утра, – обратился он к молодому человеку.

Проводив водителя, я вернулась на кухню и увидела, что Сергей изучает меблировку.

– У моей дочери отличный вкус, – похвалил он. – Это ведь она квартиру справила, да?

– Верно, – улыбнулась я. – У нее твоя хватка.

– И твоя красота – слава богу, не в меня пошла внешностью девочка!

Я знала все о его личной жизни. Мы встретились, когда Сергей уже был женат и имел сына. Я не строила иллюзий в отношении нашего будущего, понимая, что он вряд ли решится бросить семью. У меня было двое детей, любимая работа и желание спрятаться под теплое крыло сильного мужчины. Он был добр к Владу и Оксане, щедр, в меру скромных капитанских возможностей, и любил секс, что немаловажно – на тот момент это все, что мне требовалось. Через год я забеременела и родила Дашу. Все это время Сергей находился рядом, и я ему за это благодарна. Еще через два года я решила, что отношения пора заканчивать. Сергей сопро-

тивлялся, даже плакал, обещая, что уйдет от жены, но я не собиралась рушить чужую семью – в конце концов, все, что мне нужно, у меня уже было – трое замечательных, умных и красивых детей! Недавно ко мне на консультацию пришла пациентка, и я с ужасом поняла, что это – жена Сергея. Она понятия не имела, кто я такая, а я разглядывала полную, выглядящую гораздо старше своих лет женщину без злорадства, но со странным ощущением превосходства. Сергей по-прежнему жил с ней, но погуливал – благо, зарплата генерала это позволяла. Если это – итог «счастливого» супружества, то мою собственную судьбу нельзя считать неудавшейся! А отцом Сергей всегда был хорошим – помнил дни рождения, дарил Дашке дорогие подарки и регулярно звонил.

Пока я порхала вокруг Сергея, накладывая ему в тарелку всякие вкусности, он расспрашивал меня о Дашкиных делах. Наконец я уселась напротив, и он сказал:

– Ну, выкладывай!

– В смысле? – невинно переспросила я.

– Да ладно, я не вчера родился: если ты меня позвала, для этого должен иметься серьезный повод!

В общем-то, не нужно быть генералом ФСБ, чтобы догадаться.

– Что ж, раз ты сам об этом заговорил, мне действительно кое-что нужно.

– Надеюсь, никто из твоих знакомых не загремел в СИЗО? – нахмурился Сергей. – Никого не придется «отмазывать» от следствия?

– Нет-нет, не беспокойся! – замахала я руками. – Мне просто нужна информация.

– Слава богу! И что за информация?

– По убийству Митрохина.

– Ильи Митрохина?

Я кивнула.

– А ты-то какое имеешь к этому отношение?!

Сергей выглядел до крайности озадаченным. В двух словах я обрисовала ему причины своего интереса.

– Невероятно! – воскликнул он, качая головой. – Такое громкое дело, и ты, оказывается, знакома с главным подозреваемым!

– С *единственным*, насколько я понимаю, – поправила я. – Твои коллеги взялись за Толика, хотя даже журналисты выдвинули несколько версий, отличных от версии следствия!

– Ну, журналисты, знаешь... Они только на то и годятся, чтобы высказывать необоснованные предположения!

– Так тебе известно что-нибудь по этому делу?

– То же, что и всем – оно не в моей юрисдикции.

– А можешь узнать?

– Что именно тебя интересует?

– Меня интересует... как это у вас называется – доказательная база?

– Мегрэ ты мой, – тяжело вздохнул Сергей. – Думаешь, твой Толик ни при чем?

– Уверена, что нет! Он детишек спасает, а не людей убивает!

– А ведь разные бывают обстоятельства, Аня, – задумчиво сказал он. – Практически каждый человек способен на убийство, но у всех разный психологический порог: одним тяжело на это решиться, другим слишком легко... Постой-ка, – вдруг прервал он сам себя, подавшись вперед, – а не замешана ли в это Дашка?

Надо же, подумался – видать, генеральские погоны все-таки даются не зря! Пришлось рассказать, какое отношение наша дочь имеет к происходящему.

– Ну, знаете! – хлопнул себя по коленям Сергей. – Значит, она решила его защищать? Тогда скажи дочуре, что это – плохая идея: весь город буквально гудит от слухов. На таких делах адвокаты делают себе имя, но они же могут и погубить карьеру в самом расцвете.

– Не думаю, что она нас послушает, – вздохнула я. – Ты же ее знаешь!

Сергей пожевал нижнюю губу, размышляя.

– Ладно, – махнул он рукой. – Узнаю, что смогу. Почему Дашка сама ко мне не пришла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.